

С. Волин

**Меньшевики на Украине
(1917-1921)**

Под ред. Ю. Г. Фельштинского

CHALIDZE PUBLICATIONS 1990

S. Volin
MENSHEVIKS IN UKRAINE

Edited by Yuri Felshtinsky

**Published by permission
of Columbia University**

**Computerized typesetting
by Gessen Book Electronics
262 Woodcliff Road
Newton, MA 02161**

**Copyright 1990 by Chalidze Publications
Published by Chalidze Publications
Benson, Vermont 05731, USA
Manufactured in USA**

ОТ РЕДАКТОРА

Работа С. Волина была написана в 1962 году по заказу так называемого „Межуниверситетского проекта” по изучению истории меньшевизма, организованного в 1959 году по инициативе группы либеральных американских историков, возглавляемой Леопольдом Хаймсоном. Финансируемый несколькими крупными благотворительными организациями, в том числе фондами Рокфеллера и Форда, проект ставил своей целью опрос живших за пределами СССР, преимущественно в США, участников меньшевистского движения в России. Целому ряду меньшевиков было предложено написать воспоминания или статьи о социал-демократическом движении до и после большевистского переворота. Среди них был С. Волин, чья работа безусловно представляет интерес для всех тех, кто занимается изучением истории Украины эпохи революции и гражданской войны в России. Публикуется с разрешения Колумбийского университета.

Юрий Фельштинский
Январь, 1990

ГЛАВА 1

Меньшевизм и рост украинского национализма

Развитие меньшевизма на Украине после октябрьского переворота отличалось некоторыми своеобразными чертами, которые были результатом особых условий, сложившихся в этом районе. В течение трех лет Украина была театром военных действий сначала гражданской, а потом международной советско-польской войны; большую часть 1918 года Украина была оккупирована немцами, а осенью того же года стала ареной союзной интервенции в форме высадки французских войск в Одессе; в течение всего этого времени Украина, в отличие от Великороссии, не знала стабильной власти: Центральная Рада, большевики, гетман, Директория, Добровольческая армия, а в провинции вдобавок разные атаманы и «батьки» всплывали и тонули в потоке событий: при этом РСДРП в большинстве случаев сохраняла в большей или меньшей степени возможность вести политическую работу, особенно в органах местного самоуправления и профессиональных союзах. В этих условиях проблемы революции и гражданской войны вставали перед меньшевиками на Украине в более конкретной и острой форме, чем в Москве: они должны были принимать активное участие в новых и часто неясных положениях — или сойти с политической сцены. Между тем, связь местных организаций с партийными центрами была затруднена, а часто и оборвана.

Все эти события развивались на фоне национализма, который на Украине, как и в Финляндии и Польше, расширяясь и углубляясь, вырастал в первостепенную силу. «Национальный вопрос был одним из основных вопросов, от разрешения которых зависели судьбы российской революции», — писал И. Г. Церетели в своих воспоминаниях. В русской Украине до революции национальное движение ограничивалось узким кругом высшей и средней интеллигенции: оно имело более широкую базу в Галиции, население которой не было связано с Россией историческими, культурными, экономическими и религиозными традициями. После февральской революции, в условиях широкой демократии, национальное движение охватило и русскую Украину, но в начале проявлялось в ограниченной и мирной форме. Уже в марте-апреле оформилась Центральная Украинская Рада (Совет), состоявшая из представителей различных украинских организаций и игравшая роль социально-культурного центра, но еще не претендовавшая на политическую роль.

При этом меньшевизм оказался в неблагоприятном положении. Он опирался, как всюду, на некоторые элементы городского населения и промышленных рабочих. Между тем, население украинских городов и рабочий класс — в городах и вне их — в подавляющем большинстве состояли из русских, отчасти евреев, имевших мало контакта с украинцами и не знавших их языка. Это обстоятельство дало первый повод украинским националистам видеть в меньшевизме русскую, даже украинофобскую, партию на территории Украины, партию, к которой они относились иногда с большой враждебностью не по идеологическим или политическим, а по национальным причинам¹. Главной же опорой этих деятелей было крестьянство, национализм которого питался тем фактом, что почти все помещики на Украине были русские, поляки или русифицированные украинцы. Благодаря этому украинская партия социалистов-революционеров (УПСР) и украинская партия социал-демократов (УСД или УСДРП) стали руководящими силами в Центральной Раде.

Не прошло и двух месяцев после основания Центральной Рады, как между нею и Временным правительством возник конфликт. Если бы Временное правительство обладало действительной властью и способностью вводить неотложные

реформы, развитие украинского национального движения, может быть, происходило бы органически и без серьезных столкновений с Петроградом. В существовавших условиях влияние крайних элементов быстро росло. Требование культурно-национального самоопределения перерастало в требование политической автономии, а потом и федерации, хотя сепаратизм был еще слаб. Позиция, которую меньшевики заняли в этих спорах, была исходным пунктом их политики в 1918-19 годах и поэтому должна быть здесь вкратце изложена.

Исходным пунктом можно считать окружной съезд меньшевиков, состоявшийся в Киеве в начале мая (н. ст.) По национальному вопросу съезд принял резолюцию докладчика В. А. Дрелинга, которая возражала против федеративного устройства России, которое «противоречит историческому развитию и угрожает при государственном раздроблении созданием новых препятствий для развития производительных сил и единства классово-борьбы пролетариата». Но резолюция признавала, что «территориям, отличающимся этнографическими и культурно-экономическими особенностями», должно быть предоставлено право автономии и «возможность самого широкого культурно-национального развития»². Таким образом, украинские меньшевики в это время принимали неясно очерченный принцип национальной автономии, но отвергали мысль о федерации. На «съезде народов», который был созван Центральной Радой в июне и на который были приглашены только сторонники федерации, меньшевики не участвовали³.

В июне Центральная Рада потребовала немедленного установления украинской автономии, включая выделение украинских солдат на фронте в особые воинские части, и 23 (10) июня издала Первый Универсал (декларацию), в которой заявила, что «не отделяясь от всей России, не разрывая с российским государством, пусть украинский народ на своей земле имеет право сам устраивать свою жизнь... и создать новый строй вольной, автономной Украины»⁴. Временное правительство в принципе не отвергало этих скромных требований, но настаивало на том, что все вопросы, связанные с украинской автономией, должны быть отложены до Учредительного собрания. Киевские меньшевики поддержали

эту точку зрения. На заседаниях Исполкома Совета рабочих депутатов за три дня до издания Первого Универсала меньшевики и бундовцы внесли резолюцию, согласно которой «самостоятельное осуществление начал автономии Украины до созыва Учредительного собрания несет в себе опасность для общероссийской революции... вопросы культурно-национальные (вопрос о школе и др.) могут быть разрешены до Учредительного собрания»⁵. Для переговоров с Радой Временное правительство делегировало в Киев Керенского, Церетели и Терещенко, которые выехали в Киев 10 (27) июля. Руководящую роль в этих переговорах играл Церетели, который произвел на своих украинских партнеров очень хорошее впечатление⁶. Он достиг соглашения с представителями Рады, в частности о включении в нее представителей неукраинских национальностей, среди которых были меньшевики.

Ленин раньше многих других понял, какую силу представляют собою национальные движения и каким полезным союзником они могут стать в борьбе с Временным правительством. На своей партийной конференции в мае 1917 года он заявил: «Мы к сепаратистскому движению равнодушны, нейтральны. Если Финляндия, Польша, Украина отделятся от России, в этом ничего худого нет». По поводу издания Первого Универсала Ленин писал о Временном правительстве в «Правде»: «Ни один демократ, не говоря уже о социалисте, не решится отрицать полной законности украинских требований». На следующий день он опять писал в «Правде», что ответ правительства украинцам, отвергший некоторые их требования, «был неслыханным бесстыдством, дикой наглостью контрреволюционеров, проявлением политики великорусского „держиморды“»⁷. Точка зрения Ленина, требовавшего «самоопределения вплоть до отделения», чего сами украинцы еще не требовали, естественно вызвала симпатии украинских националистов и подготовила то мало искреннее и еще менее честное сотрудничество, которое возникло после октябрьского переворота между вождями Рады и большевиками. Среди украинских большевиков были серьезные разногласия по этому вопросу и многие из них не соглашались с Лениным⁸.

Временное правительство отвергло соглашение, достигнутое Церетели с представителями Рады, и конфликт

продолжался. Рада издала 16 (3) июля Второй Универсал, еще раз подтверждавший желание украинцев остаться в пределах единой России, но более настойчиво требовавший введения немедленной автономии. С этой целью Центральная Рада была реконструирована. В нее были введены представители национальных меньшинств, причем русским социалистическим партиям было предоставлено 40 мест. Из громоздской Центральной Рады, в которую входили делегаты со всей Украины, была выделена на пропорциональных началах Малая Рада, фактически выполнявшая функции Центральной Рады и заседавшая перманентно. Большевики вошли в Центральную Раду 7 августа (25 июля), а их представителями в Малой Раде были М. С. Балабанов, председатель областного бюро меньшевиков и член Киевской городской Думы, и А. Доротов, бывший наборщик, член Исполкома Совета и комиссар Временного правительства по городу Киеву⁹. В качестве исполнительного органа был избран Генеральный секретариат, который в конце года получил функции кабинета министров. Большевику Л. М. Слуцкому, присяжному поверенному, члену секретариата Центрального бюро профсоюзов и гласному городской Думы, был предложен пост в Генеральном секретариате, которого он не принял. Но другой большевик, К. П. Василенко, не член Секретариата, участвовал и выступал в нем, в частности возражая против плана создать украинскую национальную гвардию — «вильное козацтво». Лидер еврейского Бунда М. Рафес занял в секретариате пост Генерального контролера¹⁰, на котором в конце года его сменил член ЦК Бунда Л. И. Золотарев. В августе Первая Южная областная конференция Бунда санкционировала вхождение Рафеса в Генеральный секретариат и еще раз подтвердила меньшевистский и бундовский принцип автономии, предложив своей партии бороться «за дальнейшее укрепление и развитие автономии Украины при условии предоставления национальным меньшинствам права на национально-культурную автономию»¹¹. В согласии с этим принципом большевики и бундовцы, вопреки украинским социал-демократам и социалистам-революционерам, считали, что Генеральный секретариат должен быть органом Всероссийского правительства, а не Рады; поддерживая предложение Рады о созыве

Украинского Учредительного собрания, они настаивали на том, что высший суверенитет должен быть сохранен за Всероссийским Учредительным собранием¹².

Национализм был также гранью, которая отделяла меньшевизм от родственной ему партии украинских социал-демократов. Возникнув в начале века, УСД оформилась как марксистская партия на съезде летом 1905 года, который требовал автономной Украины с законодательным сеймом и поручил своему ЦК принять меры к объединению с РСДРП на началах внутривнутрипартийной автономии¹³. С этой целью Микола Порш, ставший в 1917 году лидером левого крыла партии и Генеральным секретарем труда, был делегирован на стокгольмский съезд РСДРП в 1906 году. Его предложение о включении УСД в РСДРП было встречено съездом холодно и было передано на решение ЦК¹⁴. На этом дело и кончилось. Внутри УСД под руководством Винниченко и Петлюры образовались пробольшевистская и променьшевистская фракции. Еще в апреле 1917 года конференция УСД приняла резолюцию о желательности объединения с РСДРП на основании принципов, выдвинутых предыдущими съездами УСД.

Однако, признавая, что в данный момент такое объединение невозможно, конференция постановила считать необходимым: «а) входить в частичные соглашения и объединения с отдельными организациями РСДРП при условии признания ими наших требований и б) поручить Бюро УСД установить сношения с отдельными фракциями РСДРП в целях выяснения их отношения к нашей национальной программе и к делу объединения»¹⁵.

Но и такой ограниченный контакт стал невозможен вследствие все усиливающихся националистических тенденций УСД. В. Винниченко писал: «Мы (т. е. УСД — С. В.) в своей деятельности были только республиканцами и демократами, а не социалистами»¹⁶, вернее было бы сказать, были прежде всего националистами. Вместо сближения получилось дальнейшее охлаждение. Об этом свидетельствует резолюция, принятая несколько позже конференцией украинских меньшевиков:

«Конференция считает, что благодаря участию украинских социал-демократов во власти, находящейся под

властью* и влиянием реакционных сил и националистически-оппортунистической позиции ЦК УСД, не может быть и речи ни об организационной связи с украинскими социал-демократами, ни о политическом блоке с ней»¹⁷.

Отношения с УСД далеко не исчерпывались трудностями, которые возникали для меньшевиков вследствие роста национального движения. При слабости представительных органов острый национализм лидеров Рады в немалой степени определял их отношение к Москве, к Германии, к союзникам, к вопросам войны и мира, оказывал влияние на широкие круги населения и громко заявлял о себе уже в первых потрясениях гражданской войны. Между тем меньшевизм, по всему своему прошлому, был мало подготовлен к решению национального вопроса, которому он не придавал большого значения. Признавая принцип национального самоопределения, меньшевизм холодно относился к национальным движениям, видя в них силу, которая ослабляет крупные экономически прогрессивные государственные образования и вместо объединения пролетариата по классовому признаку дробит его на национальные секторы¹⁸.

Но в 1917 г. произошел сдвиг. При той руководящей роли, которую меньшевики тогда играли, они считали своей обязанностью блюсти национальные интересы России и, таким образом, элементы здорового национализма — не великорусского, как говорили украинские националисты, а всероссийского — укрепились в партии. Это ясно сказалось в оппозиции к Брест-Литовскому миру, когда сохранение «независимости и единства» России стало одним из принципов не только «оборонцев», но и руководящего большинства партии. Среди украинских меньшевиков этот вопрос встал раньше и острее, чем в центре. Их принципиальное согласие вступить в Генеральный секретариат, как бы коалиционное правительство, состоявшее на две трети из украинских националистов, было шагом в сторону более широкого толкования идеи национального самоопределения, и за этим первым шагом, как видно будет из дальнейшего изложения,

* Так в документе. — *Прим. ред.*

последовали некоторые другие шаги. При этом, однако, украинские меньшевики без различия фракций и в согласии с ЦК партии никогда не переступали границы, установленной принципом федерализма, другими словами, не шли на компромисс с идеей сепаратизма.

Параллельно с охлаждением меньшевиков к УСД шел их разрыв с большевиками. Многие украинские организации РСДРП, в большинстве которых преобладали меньшевики, еще в 1917 году объединяли обе части партии. Некоторым из них только в середине года стало ясно, что продолжение этого противоестественного сожительства не имеет смысла. В полтавской организации, в которую входили члены партии от «оборонцев» до большевиков, меньшевики составляли значительное большинство, и раскол с большевиками произошел только в конце августа. Во главе елизаветградской организации стоял «оборонец» Гамсинский; в июне большевики составляли в ней 6-7% числа членов, а меньшевиков-интернационалистов было еще меньше. В Николаеве, Херсонской губернии в объединенной организации преобладали левые меньшевики¹⁹. В Одессе объединенный общегородской комитет был организован в марте; комитет был составлен поровну из большевиков и меньшевиков, хотя из 1500 членов организации только 50 были большевиками, и, по словам советского источника, среди рабочих и солдат было распространено мнение, что большевики — германские агенты, так что «без риска быть избитым нельзя было назвать себя большевиком». Раскол произошел в июне²⁰. При этих расколах расхождения между меньшевиками и большевиками по национальному вопросу имели, конечно, второстепенное значение; но после октябрьского переворота сыграли существенную роль.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Например, лидер украинских социал-демократов писал в своих воспоминаниях, что меньшевики согласны были только на куцую культурную автономию, которую «даже умирающий царизм готов был дать» и что при гетманской власти «черносотенцы, кадеты, меньшевики и эсеры, все, под защитой немцев и лизоблюдов, дружно шли походом против украинского возрождения». (В. Винниченко. Відродження нації. Київ, 1920, ч. I, стр. 68, ч. III, стр. 72.)

В том же духе пишут некоторые иностранные авторы: «Русские элементы на Украине, радикальные и консервативные, действовали совместно в судьбоносные годы 1917-1920». (С. А. Manning. Ukraine under the Soviets. New York, 1953, p. 18.)

Между тем кадеты вышли из Временного правительства после переговоров Церетели с Радой в июле, а их газета «Речь» писала, что издание Первого Универсала «есть прямое преступление против закона».

2. Резолюция приведена по-украински в кн. П. Хрiстюк. За́мітки і матеріали до історії української революції 1917-20 гг. Відень, 1921, т. I, стр. 128. Автор отмечает с негодованием, что докладчик и ораторы Д. Давидсон и особенно украинец Кириенко указывали на неразвитость украинского языка, который представляет собою не язык, а наречие.

3. М. Рафес. Два года революции на Украине. Москва, 1920, стр. 39.

4. Текст первых трех Универсалов приведен в кн. «1917 год на Киевщине. Хроника событий», под ред. В. Манилова, Киев, 1928, стр. 482, 491, 525.

5. Киевская мысль, № 142. Цит. в кн. 1917 год на Киевщине, стр. 109.

6. Например, П. Хрiстюк, указ. соч., стр. 95, писал, что «больше всех горячо и энергично брался за дело соглашения министр Церетели, искренне идя навстречу Украинской Центральной Раде».

7. В. И. Ленин. Сочинения. 4-е изд., т. 25, стр. 24, 73, 83.

8. Так, киевский комитет большевиков постановил 17 (4) июня, что «требование отделения Украины может быть нами поддержано только в том случае, когда за него выскажется всенародное голосование всего населения, живущего на Украине. Со своей стороны мы готовы агитировать за широкую областную автономию, за территориальные, а не национальные войска» (Борьба за власть Советов на Киевщине. Сборник документов и материалов. Киев, 1957, стр. 168).

9. П. Хрiстюк, указ. соч., стр. 137; 1917 год на Киевщине, стр. 179.

10. 1917 год на Киевщине, стр. 216; М. Рафес, указ. соч., стр. 40. Оборонец во время войны, решительный антибольшевик в 1917-1918 гг., Рафес в 1919 году перешел к коммунистам вместе с большинством своей партии. Цитированная здесь его работа, написанная вскоре после этого

перехода, не носит покаянного характера и его сообщения о многих событиях, в которых он принимал близкое участие, заслуживают доверия.

11. Голос Бунда, 2 сентября 1917 г.

12. М. Рафес, указ. соч., стр. 41.

13. М. Равич-Черкасский. История КП(б)У. Киев, 1923, стр. 33, 34.

14. IV (объед.) Съезд РСДРП. Протоколы. Москва, 1959, стр. 362.

15. П. Хрiстюк. указ. соч., стр. 135.

16. В. Винниченко. указ. соч. стр. 82. Его трехтомные воспоминания так густо окрашены эмоциями, что заслуживают мало доверия. С 1917 г. до 1922 г. Винниченко блуждал между национализмом и коммунизмом, то отталкиваясь от последнего, то принимая его почти целиком.

17. М. Равич-Черкасский, указ. соч., стр. 422. Автор не указывает даты конференции, которая, судя по резолюции, состоялась весной 1918 г.

18. Е. Кускова писала в конце 1917 г. в социал-демократическом сборнике «Наш голос», № 2: «В России социалисты с большим пренебрежением относились ко всякого рода национальным стремлениям. Правда, они охотно повторяли один из пунктов своей программы о свободе самоопределения народов и наций. Но как только заходила речь о фактической защите национальных интересов, так снова на сцену выступала теория неверно понимаемого интернационализма». Кускова отвергала создание отдельных государств на Украине, Дону, Кубани и т. д., так как «исторически слишком долго все эти части одного целого шли вместе», и отстаивала учреждение Российской Федеративной Республики по соглашению между всеми нациями.

19. Летопись революции (Харьков), 1922, № 1, стр. 134, 184, 84.

20. Октябрьская революция. Первое пятилетие. Харьков, 1922, стр. 608, 609.

ГЛАВА 2

Октябрь, Центральная Рада, Советы

Октябрь на Украине

Параллельно с усилением большевизма на Украине во второй половине 1917 года шло усиление украинских партий УСД, УПСР, и социалистов-федералистов (близких к русским народным социалистам). Эти два процесса переплетались, но не препятствовали друг другу, так как влияние большевиков росло преимущественно в городах и левобережной Украине, а силы украинских партий вне городов. Поэтому после октябрьского переворота кроме советского и антисоветского фронтов на Украине образовался национальный фронт со своей особой политикой. В этом треугольнике сил сотрудничество меньшевиков с украинскими партиями было нередко отравлено взаимным недоверием. Еще до переворота на заседании Малой Рады 23 (10) октября 1917 года, на котором был поставлен вопрос о суверенности будущего украинского Учредительного собрания, М. С. Балабанов заявил:

«Украинские социал-демократы придают своим резолюциям такой характер, что желают добиваться самостоятельности. Мы будем бороться против таких тенденций украинского Учредительного собрания. Прежде всего нужно созвать Российское Учредительное собрание. Пусть украинцы не преувеличивают своих сил, потому что завоевания революции добыты общими силами»¹.

Меньшевистская оппозиция большевикам, уже до Октября, не носила такого условного характера, а была абсолютной. На заседании Киевского совета 28 (15) октября, обсуждавшем вопрос о выборах на Второй съезд Советов, меньшевик В. А. Дрелинг, возражая Г. Пятакову, сказал:

«Они хотят разогнать предпарламент, низвергнуть Временное правительство и создать власть Советов... Буржуазную революцию делать без буржуазии невозможно. Идея вооруженного захвата власти в момент спада революции — безумие... Это значить лить воду на мельницу контрреволюции».

Исходя из этих соображений киевские меньшевики не участвовали в выборе делегатов на съезд, прокламировавший советскую власть². В украинских Советах, в которых меньшевистские фракции состояли в большинстве из «интернационалистов», они участвовали в этих выборах.

Главной базой большевиков, как во всей России, стали Советы, хотя в ряде Советов они не получили абсолютного большинства. В Киеве при перевыборах Исполкома СРД 5 сентября (23 августа) руководство еще было в руках меньшевиков: председателем был выбран В. А. Смирнов, секретарем Овчаров, казначеем Г. К. Логинов. Но в исполкоме объединенного Совета рабочих и солдатских депутатов, избранном 25 (12) ноября и состоявшем из 58 членов, было только 7-9 меньшевиков³, а большевики, получив 23 места, не имели большинства. Вдобавок, фракцию большевиков ослабляли серьезные разногласия по вопросу о Центральной Раде. Несмотря на поражение меньшевиков на выборах, товарищем председателя Исполкома был выбран В. А. Смирнов.

В день октябрьского переворота большевики внесли в Киевский Исполком предложение призвать рабочих к восстанию и образовать Революционный комитет (Ревком). Первой реакцией меньшевиков был отказ от участия в ревкоме, но в течение дня они решили войти в Комитет, чтобы влиять на него изнутри. Когда дело дошло до выборов, большевики отвергли их участие и в Ревком были выбраны только большевики во главе с их лидером Г. Пятаковым. После голосования А. Л. Темкин внес заявление от имени еврейского Бунда и меньшевиков о том, что они «не прини-

мают участия в выборах представителей в Революционный комитет, снимают с себя ответственность за его действия и покидают собрание».

В Харькове Совет принял, очевидно, с согласия фракции меньшевиков, резолюцию за создание в Петрограде общесоциалистического правительства⁴. В Одессе на соединенном заседании Советов рабочих, солдатских и матросских депутатов резолюция меньшевиков об общесоциалистическом правительстве была отвергнута и принята резолюция большевиков⁵. При целом ряде Советов были организованы ревкомы, иногда с участием левых членов УСД, но в которые меньшевики, по-видимому, нигде не входили.

В то время как большевики преобладали во многих Советах, выборные органы местного самоуправления остались опорой меньшевиков. При выборах киевской городской Думы 7 августа (25 июля) блок меньшевиков, эсеров и Бунда получил 37% голосов, блок УСД и УПСР — 20%, а большевики — 6. Председателем Думы был избран меньшевик В. А. Дрелинг, городским головой — популярный эсер Е. П. Рябцев, его товарищем А. М. Наумов-Гинзбург. На заседании Думы 8 ноября (26 октября) при обсуждении переворота в Петрограде меньшевики и эсеры выступили с поддержкой Временного правительства. Дрелинг призывал к борьбе с большевистской «авантюрой», которая «может вызвать контрреволюционное движение, а затем реакцию, в которой потонут все завоевания революции». Другой меньшевик, И. Л. Давидсон, сказал: «Утвердится победа большевиков и родина погибнет». Характерный элемент внес в дискуссию М. Рафес, представитель Бунда и враг Временного правительства:

«Наше счастье, что мы живем на Украине, где есть украинская Центральная Рада, к голосу которой прислушивается все население и крестьянство... Если в Киеве большевики держатся смирно, то потому, что побоялись Центральной Рады»⁶.

Объединенные выступления меньшевиков, эсеров, а до 1919 года и Бунда, вроде того, которое произошло в Думе, не были исключением. Эти партии часто объединялись в «социалистический блок», выносивший общие резолюции и иногда даже выставлявший на выборах общий список кан-

дидатов. Сотрудничество между меньшевиками и эсерами продолжалось на Украине и тогда, когда в центре между ними наступило охлаждение. На Украине их объединяла во-первых, оппозиция против сепаратизма, а во-вторых, тот факт, что в некоторых городах, особенно в столице, руководство меньшевистскими организациями было в руках правых, которые были более склонны к сотрудничеству с эсерами, чем «интернационалисты». В Харькове и Екатеринославе большинство в меньшевистских организациях имели «интернационалисты». Внутри киевской партийной организации существовал в конце 1917 года «клуб оборонцев», а вне ее в Харькове и Киеве были плехановские группы «Единство»⁷. Что касается Бунда, то, оставаясь в тесном контакте с меньшевиками, он иногда проводил особую линию и был более склонен к компромиссам с украинскими партиями, Радой и Генеральным секретариатом.

Между тем Рада вела свою собственную линию, отличную от политики Советов и городских самоуправлений. Эта линия исходила из чисто украинских интересов, но она не отличалась ни последовательностью, ни силой и вызвала острые разногласия не только между УСД и УПСР, но и внутри них. После Демократического совещания в Петрограде «Центральная Рада начала политический флирт с большевиками»⁸. Их связывала вражда к Временному правительству и тонко рассчитанный «флирт» Ленина с украинским национализмом. Руководящая в этот период группа украинских большевиков во главе с Пятаковым и Затонским стремилась к сотрудничеству с по существу чуждой ей Радой, сознавая слабость своих собственных сил⁹.

При обсуждении петроградских событий в Малой Раде 7 ноября (25 октября) выяснилось, что крайние украинские националисты относились к ним безразлично: их мало интересовала смена власти «за границей», а падение ненавистного Временного правительства их только радовало. Более умеренные элементы отнеслись к делу серьезнее. Рада избрала Комитет по охране революции, в который вошли и меньшевики. Большевики вошли не только в Комитет, но и в Малую Раду, в которой они до тех пор отказывались участвовать. Несуразность положения, при котором большевики одновременно участвовали в повстанческом Ревкоме Совета и в

Комитете Рады, который должен был следить за тем, чтобы «сепаратных выступлений не было», не смущала ни большевиков, ни украинцев: и та и другая сторона рассчитывала перехитрить более слабого партнера. Но меньшевики протестовали в Малой Раде против участия большевиков в Комитете.

На следующий день комитет киевской организации меньшевиков принял резолюцию, принающую «единственным органом власти, призванным охранять завоевания революции и государственный порядок в Киеве», — городскую Думу, а высшим органом власти на Украине — Генеральный секретариат, утвержденный Временным правительством. Резолюция указывала, что меньшевики «могут оставаться только в том случае в созданном Центральной Радой краевом Комитете по охране революции, если этот Комитет самым решительным образом отмежуеться от петроградского мятежа и заявит об отказе захватить в свои руки военную власть и военное командование»¹⁰.

В противном случае меньшевики должны были демонстративно выйти из комитета. Но через несколько дней комитет прекратил свое существование как раз вследствие конфликта с военным командованием.

В этот острый момент «флирт» большевиков с вождями Рады достиг расцвета, который, однако, продолжался только одни сутки. В это время «военные действия большевиков и украинцев были согласованы», — писал М. Рафес после его перехода к коммунистам¹¹. Это был глухой намек на соглашение, которое по некоторым данным было заключено накануне между большевиками и вождями Рады. По этому соглашению Рада обязалась не пропускать антисоветских войск с юга на север через свою территорию, а большевики обязались не устраивать восстания на Украине¹². Ввиду этого лидеры большевиков Пятаков и Затонский вошли в Малую Раду.

Но уже на следующий день между этими союзниками возник конфликт, в значительной степени по инициативе меньшевиков и Бунда. Малая Рада приняла предложенную ими резолюцию, осуждающую октябрьский переворот, «признавая недопустимым переход ее (власти, — С. В.) только к Совету рабочих и солдатских депутатов, который является

только частью организованной революционной демократии». Принятие этой резолюции вызвало уход большевиков из Малой Рады, но контакт между ними не был прерван¹³.

Наиболее активные среди правых меньшевиков не были удовлетворены этой победой в войне резолюций. Они могли опереться на часть киевского гарнизона, к которой присоединился заседавший в то время в Киеве казачий съезд. Командование гарнизоном было в руках начальника киевского военного округа ген. Квещинского и двух меньшевиков: военного комиссара округа, бывшего члена Второй Государственной думы от Киевской губернии И. И. Кириенко и нового киевского комиссара Временного правительства К. П. Василенко. Штаб округа стал новым силовым центром, вследствие чего между штабом и комитетом Рады немедленно начались трения.

Штаб двинул свои войска к зданию, в котором помещались Совет и его Ревком, который Кириенко отказался признать. Солдаты ворвались в здание, арестовали ряд видных большевиков и грозили расстрелять их. Комитет Рады потребовал у Кириенко немедленного освобождения их. Среди меньшевиков тоже было недовольство насильственными действиями войск, а Кириенко оправдывался тем, что он не мог удержать разъяренных солдат. Кириенко стал жертвой нападок с разных сторон: природный украинец, он был объектом особой вражды со стороны украинских националистов, считавших его руководящую роль в «русской» партии актом национальной измены.

Рада двинула свои силы против Штаба, который принужден был капитулировать и вывести свои войска из Киева¹⁴. Восстание большевиков, начатое 11 ноября (29 октября), через три дня кончилось их поражением. Власть на Украине перешла к Центральной Раде.

Власть Рады

Рада прежде всего реорганизовала свой исполнительный орган. В расширенный Генеральный секретариат вошел бундовец А. Золотарев (сменивший М. Рафеса на должности

Генерального контролера), один русский эсер и один народный социлист. Большевики не вошли в новый Секретариат¹⁵.

Хотя Рада теперь обладала фактической властью, она еще не отрицала, что носителем суверенитета остается всероссийское правительство. Поэтому конструкция этого правительства была важным вопросом, который Киевский совет обсуждал 16 (3) и 17 (4) ноября. Выступавший на этом заседании меньшевик-оборонец С. З. Дижур требовал включения в новое правительство представителей всех демократических кругов, а не только социалистических, но интернационалист Д. Чижевский огласил декларацию фракции меньшевиков, которая требовала создания общесоциалистического правительства и угрожала, что если это требование будет отвергнуто, фракция выйдет из Исполкома Совета¹⁶. До голосования в тот день дело не дошло.

Одним из первых шагов Рады после установления ее власти было издание 20 (7) ноября третьего Универсала, который представлял собою дальнейший шаг в сторону самостоятельности Украины. Усиление центробежных сил было одним из непосредственных результатов Октябрьского переворота. Универсал объявил, что «отныне Украина будет Украинской народной республикой» и что «сохраняя единство России», Украина будет требовать чтоб «Российская республика стала федерацией равных и вольных народов». Универсал провозгласил широкую программу социальных и политических реформ, включая отмену права собственности на землю, 8-часовой рабочий день, государственный контроль над производством, отмену смертной казни, амнистию политическим заключенным и скорое заключение мира.

Большевики принимали эту программу реформ, но ясно видели заключающуюся в Универсале тенденцию к сепаратизму. Выступивший от их имени в Малой Раде Кононенко настаивал, что только Учредительное собрание правомочно решить вопрос о форме власти, а бундовец Золотарев сказал: «Народ еврейский получил для себя права от освобожденного украинского народа... Беря на себя ответственность за великий шаг (принятие Универсала — С. В.), мы считали все-таки, что правильнее было бы совершить его на Украинском Учредительном собрании».

При обсуждении Универсала в киевской городской Думе 26 (13) ноября, И. Л. Давидзон, выступавший от имени клуба меньшевиков-оборонцев, внес резолюцию, которая заявила, что Рада вступила на путь сепаратизма и что поэтому Универсал должен быть отвергнут. Но М. Балабанов, признавая, что в Универсале имеются элементы максимализма, указал, что в атмосфере развала Универсал создает на Украине центр, который «послужит опорой в борьбе с большевистским Петроградом». При голосовании в Малой Раде бундовцы голосовали за Универсал, меньшевики и эсеры воздержались¹⁷.

Таким образом, натянутость отношений меньшевиков с Радой усилилась как раз в тот момент, когда их внутривнутрипартийные разногласия по вопросу о войне осложнились новым элементом — отношением к советской власти. В своей оппозиции советскому режиму правые меньшевики находились на Украине в несколько ином положении, чем на севере. Они действовали на территории, свободной от советской власти, а Генеральный секретариат, при всей его неустойчивости и слабости, был государственной властью, пользовался широкой популярностью и, главное, имел вооруженные силы. При таких условиях сопротивление советскому натиску, а в дальнейшем и свержение Совнаркома, казалось не утопией, а реальной возможностью, которая питала активистские тенденции. Несколько упрощая можно сказать, что в Киеве правые меньшевики были правее и активнее, чем в Москве. Симптом этого положения можно видеть в том факте, что М. И. Либбер, отошедший от партийной деятельности в Петрограде, приехав в Киев, вернулся к ней, и, как будет показано ниже, выступал в очень ответственные моменты.

Интернационалисты имели большинство в партийных организациях в некоторых крупных городах, особенно в Харькове, но в Киеве они были в меньшинстве. И руководящей идеей после октябрьского переворота было создание социалистического правительства «от энесов до большевиков». Они отстаивали эту идею еще долго после того, как попытка Викжеля кончилась неудачей. Так, на собрании Киевского совета 1 декабря (18 ноября) меньшевик-интернационалист Д. Чижевский, выступая с докладом по вопросу об организации власти, внес резолюцию, заключительная часть которой гласила:

«1. Всероссийская власть должна быть составлена из представителей социалистических партий от большевиков до народных социалистов включительно и представителей от краевых правительств.

2. Власть в Украинской народной республике принадлежит до созыва избранного на основе всеобщего прямого избирательного права Всеукраинского Учредительного собрания, которое явится верховным выразителем воли народов республики, Центральной Раде и ее Генеральному секретариату.

3. Для охраны завоеваний революции в Киеве должен быть создан комитет революции из представителей Совета рабочих и солдатских депутатов, Центральной Рады, городской Думы, Центрального бюро профсоюзов и железнодорожного союза»¹⁸.

Резолюция была принята 238 голосами при 7 воздержавшихся левых украинских социал-демократов и в отсутствии большевиков, покинувших собрание после того как их резолюция была отвергнута. Почти единогласное голосование свидетельствует о том, что резолюцию поддержали и правые меньшевики, по-видимому ввиду их согласия с пунктами, касающимися организации власти на Украине. По этому важному вопросу между обоими крыльями партии господствовало согласие.

Большую помощь работе меньшевиков оказала серьезная и самая популярная в Киеве газета «Киевская мысль», в которой меньшевики участвовали и раньше. Вхождение в редакцию нескольких видных оборонцев — М. Эйшкиса, Г. Наумова, М. Балабанова, К. Василенко, В. Дрелинга — фактически сделало эту газету их органом¹⁹.

Провинциальные Советы

В украинской провинции при власти Рады было мало порядка, а была неустойчивость, двоевластие или просто безвластие. Главным источником этой неурядицы были большевизированные Советы, которые готовили восстание и в которых меньшевики оставались главным элементом оппозиции. У большевиков, как и у меньшевиков, Харьков,

второй по своему значению украинский город, был цитаделью левых, в отличие от Киева, где среди большевиков была склонность к сотрудничеству с Радой и даже к национал-коммунизму. В харьковской организации меньшевиков отношения между оборонцами и интернационалистами настолько обострились, что обе группы выставили отдельные списки кандидатов при выборах в Учредительное собрание. Обе группы получили незначительное число голосов: интернационалисты около 5000, а оборонцы около 4000²⁰.

При перевыборах Исполкома Харьковского совета 7 декабря (24 ноября) большевики получили 19 мест, эсеры — 11, меньшевики — 4 и украинские партии — 4²¹. Но меньшевики оставались сильны в профессиональных союзах: на Первом Всероссийском съезде союзов, заседавшем в январе 1918 года, харьковская делегация состояла из двух меньшевиков и союз печатников тоже был в их руках. Собрание большевистского партийного комитета по профессиональному движению в Харькове отметило 1 января 1918 года «печальное состояние профсоюзов... в отношении влияния в них товарищей большевиков»²², т. е. преобладание в них меньшевиков.

В Одессе большевики получили большинство в Совете в сентябре, но «чувствовали себя еще недостаточно уверенно», тем более, что Исполком румынского фронта черноморского побережья и Одесской области (Румчерод), вскоре ставший фактической властью в области, был антибольшевистским. Через три года после октябрьского переворота Румчерод, явно под влиянием меньшевиков, принял резолюцию, требовавшую общесоциалистического правительства. Румчерод был переизбран на фронтовом и областном съезде 23 (10) декабря, на котором из 1101 делегата уже было только 68 меньшевиков. При выборах в Учредительное собрание меньшевики получили в Одессе всего 7000 голосов²³.

В Николаеве Совет отверг 11 ноября (29 октября) 116 голосами против 96 предложение большевиков о взятии власти местным Советом²⁴. За восемь дней до объявления в Николаеве советской власти 20 (7) января. Совет был переизбран и в его новом составе было 45% большевиков, 15% левых эсеров, 40% меньшевиков и эсеров²⁵. В это время организация меньшевиков, в которой преобладали левые, настолько окрепла, что начала издавать свой орган — «Путь социал-

демократа». Такая роль меньшевиков имела своеобразные последствия. Когда большевики захватили власть в Николаеве и организовали, как в некоторых других городах Украины, областной Совнарком, меньшевики вошли в него и оказывали умеряющее влияние на его деятельность. При приближении немецких войск большевистские власти бежали, захватив 17 миллионов рублей из государственного банка, а меньшевики, эсеры и Бунд организовали дружины, которые поддерживали порядок в период междувластия²⁶.

В Екатеринославе (Днепропетровске) после октябрьского переворота установился хаос. Связи с Центральной Радой были слабы. На съезде Советов вскоре после переворота меньшевики и эсеры имели большинство. Совет организовал Ревком, который заявил о своем подчинении Раде и о непризнании Совнаркома. Большевики не вошли в этот Комитет, и организовали свой ревком. Почта и телеграф были в руках Совета, а радио в руках большевиков, которые через него сносились с Петроградом. Но на губернском съезде Советов 14 (1) декабря в президиум, составленный пропорционально, уже были выбраны 5 большевиков, 1 эсер, 1 меньшевик и 1 украинский социал-демократ²⁷.

Криворожско-Донецкий съезд Советов, на котором господствовали большевики, постановил 24 (11) декабря выделить Криворожско-Донецкий бассейн в автономную область и составил свой ЦИК и Совнарком. Меньшевики и эсеры отказались войти в него²⁸. В Херсоне на съезде Советов 5 декабря (22 ноября) меньшевики и эсеры вместе имели небольшое преимущество над большевиками. На вопрос представителя большевиков, признает ли съезд советскую власть, эти обе фракции ответили, что они признают общесоциалистическое правительство²⁹.

Брест-Литовский мир

Решение советского правительства начать мирные переговоры с Германией соответствовало намерениям украинских властей. В соответствии с постановлением Третьего Универсала Генеральный секретариат, еще сознавая себя федеральным элементом единой России, готов был принять

участие в Брест-Литовских переговорах. Для меньшевиков-оборонцев сепаратный мир был органически неприемлем, а еще менее приемлемы были для меньшевиков обеих фракций сепаратные украинские переговоры с Германией, в которых Украина действовала как отдельная государственная единица — как раз то, что особенно привлекало украинские правящие круги. Между большинством Рады и меньшевиками возникли серьезные разногласия.

При переговорах с Германией Рада, однако, не согласна была признать за советским правительством право представлять всю Российскую федерацию. Генеральный секретариат постановил 23 (10) ноября, что мирные переговоры может вести только правительство, уполномоченное большинством народа и что таким органом может быть только общесоциалистическое правительство, для создания которого Секретариат обратился к правительствам Кубани, Дона, Кавказа, к Совнаркому и т. д. Однако Генеральный секретариат принял советское предложение прислать делегата в Брест-Литовск.

Кампанию против сепаратного мира меньшевики начали с того момента, когда вопрос о нем был принят на Украине. Разговор Сталина с Поршем по прямому проводу 30 (17) ноября вызвал поддержанный Балабановым запрос меньшевиков, эсеров и бундовцев в Раде об ее отношении к Совнаркому и к мирным переговорам. На заседании Малой Рады 4 декабря (21 ноября) Балабанов от имени меньшевиков и бундовцев протестовал против сепаратного мира, исходя из интересов России и Украины, а бундовец А. Л. Темкин внес резолюцию, содержащую следующие требования:

«1. Необходимо немедленно послать представителей на юго-западный и румынский фронты для заключения, в согласии с союзниками, перемирия;

2. Необходимо немедленно приступить к организации центральной власти Российской республики, единственно правомочной для переговоров о мире.

3. Необходимо немедленно приступить к предварительной разработке условий демократического мира для предоставления на рассмотрение центральной власти и союзников»³⁰.

Эта формулировка, конечно, не означала согласия на участие в Брест-Литовских переговорах. Наоборот, на засе-

дании Центральной Рады 25 (12) декабря Балабанов прямо заявил, что украинскому делегату ехать в Брест не следует. На заседании 29 (16) декабря он отметил, что меньшевики в общем поддерживают Генеральный секретариат, но имеют с ним и серьезные расхождения: «В политике мира, проводимой Секретариатом, дипломатия убила демократию, а национализм — международную общность». Другой пункт расхождения, по его мнению, заключался в том, что Генеральный секретариат «перевел борьбу с большевиками на националистические рельсы, сея национальную рознь и национальную вражду, демагогически обвиняя большевистских солдат в том, что они желают отнять землю у украинских рабочих и крестьян»³¹.

После ультиматума, предъявленного советским правительством Рады 17 (4) декабря, участие украинцев в Брест-Литовских переговорах перешло в новую стадию. Угроза, заключавшаяся в ультиматуме Совнаркома, побудила Генеральный секретариат послать воюющим и нейтральным странам ноту с сообщением, что Украинская республика решила приступить к самостоятельным переговорам с Германией, независимо от советской делегации в Брест-Литовске. Эта нота послужила поводом к новым дебатам в Раде, в которых Балабанов протестовал против сепаратного украинского мира, еще раз настаивал на создании всероссийского федерального демократического правительства и предлагал созвать социалистическую конференцию³². Все эти предложения были отвергнуты Радой.

В начале января соединенное заседание меньшевиков и Бунда решило внести новый запрос о мире в Малую Раду. Запрос, внесенный 17 (4) января 1918 года, указывал, что «в сепаратном мире заключается серьезная опасность для молодой Украинской Республики», которая неизбежно попадет в кабалу центральных держав, и как наименьшее зло предлагал Генеральному секретариату вернуться к его прежней политике:

«Фракции (меньшевики и Бунд — *С. В.*) в вопросе о мире придерживаются точки зрения Центральной Рады, которая формулирована была в известной ноте Генерального секретариата, а именно — точки зрения борьбы за общий демократический мир. Фракции полагают, что именно сейчас наступил

момент осуществления этого лозунга, так как 5 января открывает свои работы Всероссийское Учредительное собрание»³³.

Четвертый Универсал

В декабре произошел серьезный конфликт между Совнаркомом и Радой. 15 (2) декабря советское правительство подписало в Брест-Литовске перемирие с немцами, которое освободило советскую армию от непосредственной опасности. Пользуясь этим, Совнарком уже 17 (4) декабря предъявил Раде ультиматум, требуя, чтобы Рада не пропускала казачьи части на Дон, перестала разоружать советские отряды и т. д. Рада резко отвергла ультиматум как вмешательство во внутренние дела Украины. Краевое совещание меньшевистских организаций, обсудив вопрос об этом ультиматуме, поддержало Раду и объявило, что оно «с возмущением отмечает новый позорный акт большевистской власти, в тупом ослеплении своем и безответственности дошедшей до объявления войны Украине... В предупреждение ужасов гражданской войны Центральная Рада должна немедленно вступить на путь тесного соглашения и единения с многочисленными отрядами российской демократии, которые не идут с большевистскими диктаторами, чтобы этим изолировать источник гражданской войны»³⁴.

Этот призыв к единению оказался напрасным, хотя в этот критический момент меньшевики на Украине и вне ее готовы были дать Раде широкую поддержку. Так, комитет петроградской организации меньшевиков постановил, что «члены партийной организации не могут, под угрозой исключения из нее, принимать какое бы то ни было участие в организованном большевиками походе на украинскую демократию»³⁵. Эта поддержка Рады была продиктована несколькими соображениями: руководителями Рады были социалисты, с которыми сотрудничество в острый момент было и возможно и полезно: хотя они были прежде всего националистами, но они оставались убежденными демократами; разрыв Рады с Совнаркомом неизбежно привел бы к обострению гражданской войны.

Между тем большевики начали систематическую подготовку к восстанию. В Харькове 18 (5) декабря группа большевистских и примыкавших к ним членов советов объявила себя Первым Всеукраинским съездом советов, захватила власть в Харькове, выделила ЦИК и — в противовес Генеральному секретариату — Совет народных секретарей. Большевистские отряды двинулись из Харькова против Рады под начальством Антонова-Овсеенко и Муравьева. Благодаря помощи Красной армии они в течение одного месяца заняли Полтаву, Екатеринослав, Одессу, Николаев и другие города. Киев оказался под серьезной угрозой.

Взрыв национальных и антирусских чувств на Украине был естественной реакцией против советской агрессии. Сепаратисты, влияние которых и без того усиливалось в последние месяцы, стали преобладающей силой и в населении и в Раде. Рада издала 22 (9) января 1918 года Четвертый Универсал, провозгласивший отделение Украины от России и ее преобразование в независимое демократическое суверенное государство. Та же Рада, которая всего за два месяца до того опубликовала третий Универсал, построенный на принципе федерализма, теперь отказывалась от единства с советской Россией и хотела быть по отношению к ней иностранным государством.

Среди украинских меньшевиков за истекший год тоже произошел сдвиг по отношению к национальному вопросу. Начав с национального самоопределения, которое они толковали в довольно ограниченном смысле, украинские меньшевики перешли к автономии, а теперь, учитывая объективные условия, признали принцип федерации. Украинские, как и другие, меньшевики предпочитали более узкие пределы самостоятельности автономных областей как гарантию сохранения единства России, но они раньше других сознали необходимость уступок развивавшимся процессам массовой психологии. С их стороны это была реальная политика, а не сдача принципиальных позиций, так как идея федерализма не противоречила социал-демократическим концепциям. В прениях по национальному вопросу на Всероссийском съезде меньшевиков в декабре 1917 года киевский делегат С. Сумский сказал:

«Если разбирать вопрос вне времени и пространства, то разрешение национального вопроса путем автономии имеет все преимущества. Но мы не в нормальных условиях. Сейчас идет распад страны, растет сепаратизм, и вопрос в том, как ему воспрепятствовать. Надо принять самые широкие рамки национальной автономии, чтобы отстоять единство России... Пока Украинское (национальное) движение стоит на почве этого (русского) единства, мы его поддерживаем; когда оно сойдет с этой почвы, мы выступим решительно против него».

В том же духе говорил на съезде М. Либер, вскоре переехавший на Украину. Вопрос об автономии или федерации, сказал он, стал искусственным. «Вообще мы, конечно, за автономию, так как добиваемся единого государства... Но при данных условиях и федерация является прогрессивным явлением. Поэтому мы должны содействовать этому явлению»³⁶.

Большинство съезда не шло так далеко как украинские меньшевики. Резолюция по национальному вопросу еще раз повторила абстрактную мысль, что только Учредительное собрание правомочно решить национальный вопрос. Предлагая членам партии принять участие в строительстве местных автономных органов, она не определила понятия автономии и избегала термина «федерализм».

Исходя из этих соображений, меньшевики вместе с бундовцами голосовали в Центральной Раде против Четвертого Универсала. Представитель Бунда в Генеральном секретариате А. С. Золотарев подал в отставку. Введенный в состав бундовской фракции Рады М. Либер огласил декларацию от имени обеих партий. Увидев его, один украинский делегат бросил злобное замечание: «Он разрушил уже одно государство, теперь он хочет разрушить другое». Декларация указывала, что «предательская политика советской власти ввергла Россию в объятия анархии, залила страну кровью гражданской войны и нанесла сильный удар заключению общего мира. Этим развязаны были силы распада и создана почва для развития сепаратистских стремлений, ищущих своего оправдания в необходимости предохранить отдельные области от растущей анархии».

Как бы предвидя вскоре наступившие события, декларация подчеркивала, что обессиленная Украина одна «не

сможет в будущем противостоять грабительской политике империализма... Универсал говорит о дружественных отношениях с соседними народами и отвергает всякую возможность вмешательства во внутренние дела Украины. Но германско-австрийский империализм не станет, конечно, считаться с формальностями в отношениях между государствами... Украинская демократия разрывает связь с российской демократией в трагический для российской революции момент и как раз тогда, когда Всероссийское Учредительное собрание провозгласило Россию федеративной демократической республикой».

Декларация отвергла мысль, что уже пришел конец российской революции, выразила уверенность в том, что нынешний спад сменится новым подъемом и закончила выражением чувства дружбы к украинскому народу:

«Мы голосуем против Универсала, демонстрируя этим перед интернациональным пролетариатом верность его идеалам. Мы будем бороться за укрепление солидарности украинского и российского пролетариата, чтобы притти к тому светлomu дню, когда отделение Украины от России останется лишь трагическим эпизодом в жизни обоих братских народов»³⁷.

Таким образом, руководящие группы украинских меньшевиков были поставлены ходом событий в необходимость вести борьбу на два фронта: против советской диктатуры и против украинской самостийности. Они уже в это время вступили на путь, который в других и еще более сложных условиях привел их к политике «третьей силы».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. 1917 год на Киевщине, стр. 287.
2. Там же, стр. 295, 301.
3. Смирнов, Крылов, Эдельман, Чижевский, Трушин, Мельников, Овчаров (там же, стр. 218, 380, 388).
4. Летопись революции (Харьков), 1922, № 1, стр. 20.
5. Октябрьская революция, стр. 597.
6. 1917 год на Киевщине, стр. 317, 318.
7. Летопись революции, 1922, № 1, стр. 20.
8. А. Золотарев. Из истории Центральной Украинской Рады. Киев, 1922, стр. 21.
9. Советские авторы, писавшие в 20-х годах, не отрицали этой слабости: «Октябрьский переворот в Петрограде застал Одессу еще далеко не подготовленной к восприятию советской власти» (Октябрьская революция, стр. 595), а в Николаеве «в дни октябрьского переворота формула „вся власть Советам“ не собрала еще большинства голосов» (Летопись революции, 1922, № 1, стр. 91). По несомненно преувеличенным советским данным киевская организация большевиков имела в марте 1917 года 200 членов, а в июле — 4000; к этому времени харьковская организация состояла из 2400 членов, екатеринославская — из 3500, одесская — из 2000, а в Донбассе — даже из 12000 (А. Лихолат. Разгром националистической контрреволюции на Украине. Москва, 1954, стр. 32).
10. Киевская мысль, 1917, № 259. — Цит. по кн. 1917 год на Киевщине, стр. 333.
11. М. Рафес. указ. соч. стр. 47.
12. Об этом соглашении см. R. Pipes. The Formation of the Soviet Union. Cambridge, Mass. 1954. p. 70.
13. Член левого крыла УПСР и Рады, в то время сторонник признания советского правительства Радой, следующим образом объясняет поведение Рады: «Представители национальных меньшинств (особенно российские социал-демократы, меньшевики, бундовцы и эсеры) смотрели на события в Петрограде как на преступную авантюру, вредную для общероссийской революции, предсказывали в своих речах близкое падение большевистской власти и все время предупреждали Генеральный секретариат и Центральную Раду против какого-нибудь сближения с большевиками. И можно сказать, что главным образом из-за этих „меньшинств“ Центральная Рада не остановилась в то время серьезно на мысли о формальном признании Совета народных комиссаров как правительства Московии». П. Христюк, указ. соч., стр. 53.
14. М. Голубничий. Розгром влади Керенського в Київі в 1917 роке. Вперед, Мюнхен, 1954, № 5, стр. 5-6 (приводит данные о совместной борьбе сил Рады и большевиков против штаба).
15. М. Рафес, указ. соч. стр. 54.

16. Киевская мысль, № 265. — Цит. по кн. 1917 год на Киевщине, стр. 357.
17. Там же, стр. 365; А. Золотарев, указ. соч., стр. 26.
18. Киевская мысль, № 277. — Цит. в кн. 1917 год на Киевщине, стр. 393.
19. А. Гольденвейзер. Из киевских воспоминаний (1917-1921). — Архив русской революции, Берлин, 1922, т. 6, стр. 173.
20. И. Любимов. Революция 1917 года. Хроника событий. Москва, 1930, т. 6, стр. 147. Несколько более низкие цифры приведены в вульгарно-пропагандистской работе Д. Эрде. Годы бурь и натиска. Харьков, 1923, стр. 111. Харьков не был исключением: отдельные списки обеих фракций были предложены и в некоторых других городах России.
21. И. Любимов. указ. соч., стр. 206.
22. Великая Октябрьская Социалистическая революция на Украине. Сб. документов. Киев, 1957, т. 3. стр. 575. 579.
23. Октябрьская революция, стр. 595, 596, 603; А. Лихолат. указ. соч., стр. 267-268.
24. И. Любимов, указ. соч., стр. 27.
25. Летопись революции, 1922, № 1, стр. 93.
26. Рабочий интернационал. Орган петроградского комитета РСДРП, 2 июня 1918 г.
27. И. Любимов, указ. соч., стр. 271, 254.
28. Там же, стр. 326, 354.
29. Там же. стр. 195, 201.
30. Киевская мысль, № 279. — Цит. по кн. 1917 год на Киевщине, стр. 397.
31. Киевская мысль, № 294, 298. — Цит. по кн. 1917 год на Киевщине, стр. 444, 450.
32. П. Хрiстюк, указ. соч., т. II, стр. 97.
33. М. Рафес, указ. соч., 71.
34. Киевская мысль, № 290. — Цит. по 1917 год на Киевщине, стр. 439. Партийное совещание меньшевиков наметило кандидатов при выборах в Украинское Учредительное собрание. Обязательные кандидаты: М. С. Балабанов (Киев), С. С. Девдариани (Харьков), А. М. Наумов-Гинзбург (Киев), И. Л. Тучанский (Одесса); рекомендованы: Л. И. Пинхасик (Кременчуг), К. И. Ляхович (Полтава), И. М. Биск и В. А. Смирнов (Киев), Орлов (Екатеринослав), Б. Н. Гуревич (Бэр) (Харьков). [Новый луч, 20 декабря 1917 г.] Выборы не состоялись вследствие занятия частей Украины советскими войсками.
35. Новый луч. Орган ЦК РСДРП, Петроград, 13 декабря 1917 г.
36. Там же, 7 декабря 1917 г.
37. Полный текст декларации приведен в кн. М. Рафес, указ. соч. стр. 74.

ГЛАВА 3

Революция на ущербе

Первое украинское советское правительство

Заняв Киев, большевики оказались у власти почти во всей Украине. Их правительство переехало из Харькова в Киев, а Рада и ее Генеральный секретариат эвакуировались в Житомир. В Киеве советская власть удержалась всего три недели, а в других районах, особенно в левобережной Украине, она существовала от двух до трех месяцев.

Здесь не место входить в обсуждение вопроса, почему национальное движение, правда дезорганизованное и смутное, но все же сумевшее достигнуть своей главной цели, создать независимое украинское государство, оказалось неспособным защитить его от небольших советских сил. Отметим только те из причин слабости Рады, которые оказали главное влияние на политическое развитие Украины в ближайший период.

В некоторых отношениях Генеральный Секретариат был похож на Временное правительство: он не сумел создать сильную власть, способную обуздать растущий революционный хаос; он не сумел утвердить свой авторитет в провинции; внутренние разногласия разлагали поддерживающие его партии; по вопросу о земле он издал несколько радикальных деклараций, но сделал мало и этим отравил свою главную базу — крестьянство — разочарованием в революции. Кроме

того, он находился под постоянным давлением двух внешних сил — германской и советской — которые откровенно покушались на независимость новорожденной республики.

Последнее обстоятельство, представлявшее собою непосредственную опасность, стояло в центре внимания меньшевистских деятелей. О тяжелых последствиях сепаратного украинско-германского мира среди них не было двух мнений, а по отношению к большевизму на Украине, как и на севере, два обстоятельства способствовали в это время росту в партии антисоветских тенденций: разгон Учредительного собрания и еще не законченные переговоры между РСФСР и Германией в Брест-Литовске. Еще большее значение имел на Украине тот факт, что большевики превратили ее в арену гражданской войны и что весь путь советских войск из Харькова в Киев был отмечен насилиями, убийствами и грабежами, которыми особенно прославился один из главных советских командиров Муравьев, бывший офицер царской армии, теперь обернувшийся левым эсером.

Под влиянием этих обстоятельств разногласия между обеими основными фракциями РСДРП в это время сузились. Другую, просоветскую линию вели, как будет показано ниже, небольшие группы крайних левых меньшевиков, особенно в Николаеве; их деятельности способствовало отсутствие всеукраинского партийного центра, который возник только весной 1918 г.

После занятия Украины большевиками перед партией меньшевиков ультимативно встал вопрос: с демократической, но сепаратистской и разбитой Радой против большевиков, или с объединителями России — большевиками, против Рады. Правые меньшевики и по крайней мере большинство интернационалистов стали на сторону Рады. Когда киевские большевики при приближении советских отрядов объявили для поддержки их всеобщую забастовку, объединенное собрание меньшевиков и бундовцев призвало рабочих не участвовать в ней¹. В январе киевский Областной комитет Бунда издал воззвание, которое выражало мнение обеих партий и в котором было сказано:

« Мы протестуем против того, чтобы каждая [всякая] борьба превращалась в кровавое восстание. Страна уже пьяна от крови... Мы признаем Центральную Раду, рожденную

революцией, поражение которой будет смертельным ударом для революции. Поражение Рады есть смерть для Учредительного собрания, начало страшной анархии, в которой пойдет ко дну все, что создано революцией. За Центральную Раду это значит вместе с демократией... Где господствуют большевики, там уже нет и тени свобод, завоеванных революцией»².

Это не значит, что меньшевики забыли о своих разногласиях с Радой. На Украине и вне ее³ они по-прежнему отвергали сепаратизм, украино-германский мир и некоторые другие стороны деятельности павшего правительства. Но в Раде они могли продолжать борьбу против ее вредных тенденций, между тем как гибель Рады означала прекращение всякой независимой политической деятельности в советизированной Украине.

После занятия Одессы советскими войсками Исполнительный комитет одесского Совета профессиональных союзов, состоявший в значительном большинстве из правых меньшевиков, издал обширную декларацию, в которой он излагал свою точку зрения на последние события⁴:

«Грозный момент наступил для одесского пролетариата. Разрушительная волна захвата власти, губящая страну и ее народное хозяйство, уничтожающая завоевания великой российской революции, докатилась и до нашего города. После трехдневной гражданской войны на улицах Одессы власть захвачена Советом. В этот ответственный и решительный момент Исполком Совета профсоюзов считает своим священным долгом перед рабочими, уполномочившими его стоять на страже их профессиональных интересов, дать оценку этому факту и определить его последствия».

Декларация указывала, что попытка установить диктатуру пролетариата в отсталой и крестьянской России есть «идея гибельная для рабочего класса» и что эта попытка «отбрасывает от него (рабочего класса — *С. В.*) те слои населения, которые могли бы сопутствовать ему в борьбе за демократический строй в России». По мнению Исполкома «вся полнота власти в стране принадлежит всенародному Учредительному собранию, которое единственно правомочно разрешить национальные и социальные проблемы в стране».

Свое отношение к советскому перевороту декларация формулировала следующим образом:

«Исходя из такого взгляда на последний фазис развития революции, усматривая в нем этап торжества контрреволюции, Исполком не может относиться к установлению советской власти иначе, как резко отрицательно и считает его безусловно вредным и гибельным для рабочего класса».

Заключение декларации содержит два пункта, отражающие трудности, возникшие в деятельности меньшевиков после советского переворота на Украине. При своем отношении к этому перевороту Исполком «не мог бы оказать доверия и поддержки образовавшейся в Одессе советской власти и, наоборот, считает своим долгом призвать рабочих к идейной борьбе с ней» — не к восстанию и даже не к сопротивлению, а только к идейной борьбе с властью, которую декларация только что признала гибельной. Исполком, очевидно, считал, что в этот момент всякое сопротивление неизбежно превратилось бы в безнадежную попытку поддержать только что разбитые силы Рады, так как другого демократического претендента на власть не было — факт, чрезвычайно важный для всей политики украинских меньшевиков. Вторая трудность заключалась в том, что невозможно было установить, в какой мере советская пропаганда имела в этот момент успех среди рабочих. Доводя принцип демократизма до крайнего предела, декларация заявила:

«Допуская, что изложенная точка зрения не отвечает настроению союзов и рабочей массы в настоящий момент, мы ставим на ваше обсуждение настоящее сообщение; в случае если оно не будет одобрено, мы, члены Исполкома, составляющие его подавляющее большинство, слагаем с себя свои полномочия и заявляем, что мы приложим все наши усилия к тому, чтобы остаться в среде рабочего класса и его организациях и по мере сил будем работать на его благо — культурное и социальное — надеясь, что недалек тот самый момент, когда одесский, равно как и петроградский, пролетариат сумеет по достоинству оценить ту демагогию, на которую его теперь увлекают».

Призыв ограничиться идейной борьбой был также продиктован стремлением охранить профессиональные союзы от посягательства новой власти и от превращения союзов в

органы государства, как это было сделано на севере. Такая тактика, в соответствии с традиционной политикой меньшевиков, должна была помочь им использовать «легальные возможности» и вне профессиональных союзов для политической деятельности, поскольку советская власть на Украине не успела ее ликвидировать.

Возможность этой деятельности в короткий период первого украинского правительства зависела от местных условий, неодинаковых в разных городах и районах Украины. Сознавая свою малую популярность в населении, новая власть воздерживалась от широкого применения террора, который в это время и в РСФСР был сравнительно мягким. Тем не менее в Киеве по приказу военного командования был образован военный трибунал для борьбы с «контрреволюцией», при Военно-революционном комитете был организован комитет по делам печати, закрывший «Киевскую мысль», комиссару по гражданской части Г. Чудновскому были предоставлены широкие полномочия для наведения порядка и т. д.⁵ В Одессе городская Дума была распущена, а в Харькове революционный трибунал должен был слушать 18 марта 1918 года дело пяти комитетов социалистических партий, обвиненных в составлении воззвания к рабочим против большевиков. К суду были привлечены около 80 членов комитетов меньшевиков, Бунда, еврейской социалистической партии и украинских социалистов⁶.

Более серьезным бедствием, чем официальный террор, были просто убийства, грабежи, расстрелы пленных, самочинные обыски и аресты, производимые советскими отрядами после занятия каждого города и прозванные в населении «оккупационным социализмом». Нередко советская расправа с населением непосредственно следовала за такой же расправой, произведенной отступавшими украинскими частями. Даже в Киеве, который был взят после сильной артиллерийской бомбардировки, большевистский Исполком Совета принял 13 февраля резолюцию против «непрекращающихся самосудов» своих солдат⁷. Это была уже не революция, а гражданская война — самая свирепая из всех войн.

Меньшевики принимали участие в работах уцелевших городских Дум, стремившихся ввести жизнь оглушенного населения в нормальную колею, и при этом иногда входили в

«социалистический блок» с близкими им партиями. В Киеве блок правых эсеров и правых меньшевиков искал делового контакта с советской властью, чтоб предохранить Думу от разгона⁸. В Екатеринославе советская власть не трогала ни Думы, ни земства; при выборах в губернских земских управлениях в январе 1918 года были избраны 4 украинца, 2 меньшевика и 1 эсер⁹. В Харькове думскую фракцию возглавляет видный меньшевик С. Девдариани-Сан. Когда советские власти закрыли в Харькове петлюровскую газету «Наша громада», меньшевики предъявили запрос в Совете; редактора этой газеты защищал на суде член комитета меньшевиков Рубинштейн¹⁰. В Полтаве во главе думской фракции стоял «всегда резкий и решительный» К. И. Ляхович¹¹. В Николаеве, где думская фракция состояла из крайних левых меньшевиков во главе с Ряппо, Дума санкционировала переход власти к местному Совету, но это ее не спасло: Дума была распущена за ненадобностью и функции ее перешли к Совету, в котором меньшевики принимали очень активное участие¹².

Необходимость продолжать работу в городских Думах и их комиссиях не вызвала сомнений у меньшевиков всех течений, но по вопросу об участии в Советах и их органах согласия не было. На заседании Киевского совета рабочих и солдатских депутатов 10 февраля, т. е. сейчас же после занятия Киева большевиками, должны были состояться выборы нового Исполкома Совета. Выступали меньшевики и украинские социал-демократы, протестовавшие против самосудов, которыми занимались советские отряды. Меньшевики заявили о своем согласии участвовать в деловых комиссиях Исполкома, но вопрос об их вхождении в самый Исполком оставили открытым, очевидно вследствие серьезных внутренних разногласий: они не дали ответа на этот вопрос и через три дня, на следующем заседании Совета¹³.

В харьковском областном комитете Советов меньшевики-интернационалисты вели после октябрьского переворота кампанию за однородное социалистическое правительство. Их резолюция в этом духе, предложенная Б. Бэрром, была принята 12 голосами против 8¹⁴. Об их деятельности, которая продолжалась и после начала советского наступления на Киев, свидетельствует телеграмма Ленина советскому

главнокомандующему Антонову-Овсеенко, в которой Ленин хвалил его за «неуступчивость местным (харьковским — С. В.) соглашателям, сбившим, кажется, с толку часть большевиков»¹⁵. Орган харьковских меньшевиков-интернационалистов «Социал-демократ» вел систематическую кампанию против гражданской войны и писал о Центральной Раде как о демократическом учреждении, а правые меньшевики писали в газете «Юг», что «надо устранить Ленина и тогда Каледин потеряет почву под ногами». Когда в начале января 1918 года харьковский совет разогнал городскую Думу, меньшевики в знак протеста покинули заседание Совета¹⁶. Их оппозиционная деятельность оказалась плодотворной. При перевыборах в конце февраля, незадолго до падения советской власти в Харькове, большевики получили 119 мандатов, а меньшевики 87, причем на многих крупных заводах меньшевики получили большинство голосов, а большевики получили большинство в красногвардейских и армейских частях¹⁷.

В Николаеве, где советская власть держалась с 28 января до 17 марта, левые меньшевики участвовали не только в Совете, но и в администрации. По словам их лидера, Я. Ряппо, вскоре перешедшего к коммунистам, «они заявили только о праве критики, но не активной борьбы» с новой властью; их деятельность имела мало общего с меньшевизмом. Вновь избранный Исполком Совета был составлен из 7 большевиков и 3 меньшевиков, из которых Ряппо стал заместителем председателя Исполкома и заведующим отделом народного образования, Макотинский — заведующим отделом здравоохранения и Рожанский — заведующим отделом национальностей. Они санкционировали две контрибуции, наложенные на буржуазию, но возражали против плана арестовать 130 буржуев в качестве заложников. Ряппо был избран делегатом на Четвертый Всероссийский съезд Советов, который ратифицировал Брест-Литовский мир¹⁸.

В Полтаве при советской власти были произведены выборы в Совет, в котором меньшевики вместе с бундовцами получили 6 мест. Но на первом же заседании Совет постановил удалить всех депутатов, возражавших против декларации, оглашенной большевиками¹⁹.

Возвращение Рады

Между тем Рада и ее кабинет министров вели призрачное существование на Волыни. В конце февраля Рада решилась на роковой шаг, ставший началом ее конца и коренным образом изменивший положение на Украине. Рада обратилась 20 (7) февраля к Германии с нотой, в которой она просила о помощи против большевиков и писала: «Мы твердо уверены в том, что немецкий народ, при его любви к миру и порядку, не откажет в помощи при нашем сопротивлении вторжению наших северных соседей. Мы обращаемся к вам в тяжелый момент, убежденные, что вы ответите на наш призыв»²⁰. Германии только это и надо было. В то время ее занимали не столько послевоенные планы превратить Украину в базу для продвижения на восток, сколько непосредственная цель использовать природные богатства, плодородную почву и зажиточное крестьянство Украины для получения громадных количеств продовольствия и сырья, которые Украина обязалась доставить Германии по Брест-Литовскому договору. В начале марта, в ответ на ноту Рады, соединенные немецко-украинские войска вступили в Киев и в течение двух месяцев заняли всю Украину.

При встрече с немецкой армией советские победители в гражданской войне оказались неспособны к мало-мальски серьезному сопротивлению²¹. Их поражению способствовали антисоветские настроения, которые первое советское правительство успело вызвать в короткий период своего существования²². Среди социалистов была склонность придавать этому антагонизму к коммунистам преувеличенное значение. Так, М. Рафес заявил на заседании киевской городской Думы 14 (1) марта: «Большевики (на Украине) сейчас переживают период полного распада, от них стихийно отворачиваются рабочие массы».

Киевское население встретило немцев с неприязнью, но и любопытством, следя с удивлением за непривычной аккуратностью и порядком у новых хозяев. Удивление стало еще больше, когда узнали, что немцы мобилизовали сорок баб, дали им мыла и велели вымыть вокзал, что уже давно никому не приходило в голову. В первый момент немцы старались вести себя сдержанно и вежливо, признавая правительство

Рады, вернувшись в Киев, высшей властью в Украине. Очевидец-меньшевик описывает психологию киевлян в момент прихода немцев следующим образом:

«Все сознавали, что это не освобождение, а оккупация, и тяжелая оккупация торжествующей немецкой реакции и империализма. Ни у кого не было иллюзий относительно намерений Германии и все же большевики сумели создать такую ненависть к своему режиму, что во всех слоях населения приход немцев вызвал вздох облегчения»²³.

В этих условиях отношения между меньшевиками и украинским правительством еще больше осложнились. Получившие преобладание в Центральной Раде украинские эсеры вытеснили из правительства украинских социал-демократов и образовали свое правительство во главе с непригодным для роли премьера Голубовичем. Неукраинские партии отказались войти в это правительство, а Рада ратифицировала Брест-Литовский мир только после долгих дебатов с оппозицией²⁴. Бесчинства гайдамацких отрядов не были редкостью и уже начались преследования евреев, которых обвиняли в большевизме; в Киеве гайдамаки хватали их на улице и уводили на расстрел в Михайловский монастырь. К тем чертам самостийного правительства, которые и раньше вызывали антагонизм меньшевиков, прибавился и тот нестерпимый для них факт, что это правительство вернулось к власти благодаря помощи немцев и было в зависимости от них. Было ясно, что это был переходный период, в течение которого меньшевики вынуждены были вести не ту линию, которую они считали наилучшей, а ту, которая им представлялась наименьшим злом. На Украине, попавшей в тиски между советской диктатурой и немецким «дранг нах острен», таким наименьшим злом они считали Раду. Важным мотивом в ее пользу было то обстоятельство, что Рада по-прежнему ориентировалась на украинское Учредительное собрание, которое должно было быть созвано в ближайшее время и должно было образовать новое правительство в соответствии с результатами всенародного голосования. Кроме того, меньшевики, как и члены других партий, могли при этом режиме беспрепятственно продолжать свою деятельность.

Меньшевики воспользовались этой свободой и в апреле созвали в Киеве первое Всеукраинское партийное совещание. В президиум его были избраны Балабанов (Киев), Тучапский (Одесса) и Исаев (Николаев)²⁵.

По докладу Балабанова о «текущем моменте» совещание приняло резолюцию, согласно которой поражение России и Украины, неизбежное при любом исходе мировой войны, можно преодолеть только возрождением международной солидарности пролетариата и демократии. РСДРП должна «отстаивать самостоятельность народов Украины, поскольку им грозит (опасность) попасть под влияние, экономическое и политическое, центрально-европейского империализма». Поэтому рабочие должны «принять самое активное участие в работе по упрочению демократического строя на Украине, отстаивая интересы рабочего класса и демократии, добиваясь демократизации политического строя, борясь со всяким национальным шовинизмом, отстаивая последовательно равноправие национальностей».

Для этого нужно добиваться немедленного созыва украинского Учредительного собрания посредством широкой петиционной кампании, а до его созыва «Центральная Рада должна быть немедленно преобразована на началах правильного представительства в ней как украинского, так и неукраинского населения путем особых делегаций от демократических органов самоуправления и революционно-демократических организаций».

Таким образом, совещание, требуя некоторых реформ в организации Рады, признало ее высшим и демократическим органом власти. Характерной чертой этой основной резолюции совещания является отсутствие в ней всякого упоминания о Советах. Это означало отказ от Советов как органов государства, а упоминание о «революционно-демократических организациях» было применением ходкого в то время термина, который мог включать политические партии, профессиональные союзы и т. п., но не обязательно распространялся и на Советы. Упоминания о Советах нет и в перспективе восстановления русской демократии посредством Учредительных собраний — всероссийского и украинского:

«Считая, что наиболее безболезненная ликвидация большевизма в России и спасение демократических завое-

ваний революции возможно лишь путем мобилизации рабочих и *широких демократических масс* вокруг требования возобновления работ Всероссийского Учредительного собрания, социал-демократическая партия и в украинском Учредительном собрании и в своей внепарламентской деятельности будет указывать *народным массам* на этот единственный путь спасения революции и создания благоприятных условий в России для воссоединения с ней на *федеративных началах* Украинской Народной Республики» (подчеркнуто мною — С. В.).

А так как «еще не вполне изжиты массой анархические настроения», т. е. советские симпатии могут толкнуть массы на путь авантюризма, партизанщины и вооруженных восстаний, особенно в условиях немецкой оккупации, совещание призвало рабочих стать на путь «организованной политической борьбы в демократически-выборных учреждениях (сельские, городские и земские самоуправления, Центральная Рада, Учредительное собрание)».

В то время как отвержение Советов и обращение не только к рабочим, но и к «широким демократическим массам» было явным результатом преобладания на совещании правых меньшевиков и их украинской политики, признание принципа федерации и необходимости активного участия в демократических выборных учреждениях было в согласии с линией Центрального комитета партии. По последнему вопросу Всероссийское совещание РСДРП, происходившее на месяц позже в Москве, приняло аналогичное решение:

«Стремясь к восстановлению на основе самоопределения полного государственного единства республиканской России... социал-демократия во всех поработенных Германией и другими государствами частях страны борется против оккупационного режима колониального грабежа, участвуя в местных представительных органах, отстаивает демократические общественные и государственные учреждения и всеобщее равное избирательное право»²⁶.

На Украине участие в местных представительных органах имело большое практическое значение и ставило перед меньшевиками задачи, которых они не имели в РСФСР, где таких органов в это время уже не было, за исключением нескольких профессиональных союзов. Украинские меньше-

вики применяли эту тактику при власти Рады, при власти большевиков, под режимом немецкой оккупации и позже.

Резолюция по организационному вопросу, принятая совещанием по докладу А. К. Скрыпникова²⁷, постановила: для объединения РСДРП на Украине созвать Всеукраинский съезд партии; до съезда избрать временный Всеукраинский комитет РСДРП; признать «Рабочую жизнь» органом Всеукраинского и Киевского комитетов партии; созвать в крупнейших центрах Украины областные конференции для создания партийных комитетов; обязать местные комитеты отчислять 10 процентов их доходов в пользу Всеукраинского Комитета; создать средства для содержания платных партийных работников, организации партийного издательства, расширения «Рабочей жизни». Совещание одобрило деятельность фракции РСДРП в Центральной Раде и выбрало первый Всеукраинский комитет РСДРП из 9 членов, в большинстве правых (М. С. Балабанов, П. А. Гарви и др.), которому было поручено руководить фракцией Рады.

Осуществлению этого широкого организационного плана помешал новый переворот, который произошел на Украине вскоре после партийного совещания. Между украинским правительством и немецким командованием с самого начала возникли конфликты. Правительство не соглашалось на роль вассала, которую немцы старались навязать ему, и не хотело стать их агентом по выкачиванию хлеба у крестьян. Конфликты между правительством и немецкими оккупационными властями становились все чаще. Дошло до того, что немецкий главнокомандующий фельдмаршал Эйхгорн отменил простым приказом аграрные реформы Рады, даже не уведомив об этом правительство. Тем не менее зависимость правительства от немцев компрометировала его в глазах населения, а в деревнях начались волнения, с которыми правительство не могло справиться; крестьяне не получили порядка и покоя, к которым больше всего стремились с наступлением весны, перед началом полевых работ.

Поэтому немецкие власти, закончив оккупацию Украины, решили отделаться от неугодного им правительства. 28 апреля отряд немецких солдат явился на заседание Рады и разогнал ее. Это был конец Рады. Заседавший в то время в Киеве съезд «хлеборобов» выбрал главой государства Павло

Скоропадского, ставленника[®] немцев и, как выяснилось впоследствии, их платного агента, потомка старого обрусевшего украинского рода, бывшего генерала царской гвардии; чтобы окружить его власть национальным ореолом, оживили замерший на полтора века старинный казацкий титул Гетмана.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Это не помешало большевистскому стачечному комитету издать воззвание к рабочим, в котором он писал, явно искажая факты: «Никогда еще в истории киевского пролетариата не было стачки, которая протекала бы с таким единодушием, такой солидарностью и стойкостью, как эта стачка. Все рабочие, без различия национальности и партийности, примкнули к забастовке». (Борьба за власть Советов на Киевщине, стр. 534).

2. М. Рафес, указ. соч., стр. 80.

3. Например, Комитет московской организации РСДРП принял 15 (2) февраля 1918 г. постановление, в котором писал: «Ударом по русской революции и интересам международного пролетариата является и сепаратный мир, заключенный Украинской Радой, ставящий Украину в положение колонии центральных держав и оказывающий могущественную поддержку германскому империализму» (Вперед, орган московского комитета РСДРП, 19 февраля 1918 г.).

4. Декларация была опубликована в отчете Одесского совета профессиональных союзов за 1918 год и приведена в кн. Б. Колесников. Профессиональное движение и контрреволюция. Харьков, 1923, стр. 357.

5. Борьба за власть Советов на Киевщине, стр. 536, 555, 539; А. Гольденвейзер, указ. соч., стр. 206.

6. Северная заря. Орган Вологодского комитета социал-демократической группы «Единство», 25 марта 1918 г.

7. Борьба за власть Советов на Киевщине, там же, стр. 553.

8. М. Рафес, указ. соч. стр. 82.

9. И. Мазепа. Украина в огни и бури революции, 1917-1921. 2-е изд., б/м, 1950, ч. 1, стр. 46.

10. Н. Попов. Очерки революционных событий в Харькове. — Летопись революции, 1922, № 1, стр. 23, 27.

11. С. Мазлах. Октябрьская революция на Полтавщине. — Летопись революции, 1922, № 1, стр. 139.

12. Я. Ряппо. Борьба сил в Октябрьскую революцию в Николаеве, — Летопись революции, 1922, № 1, стр. 94-95.

13. Борьба за власть Советов на Киевщине, стр. 550, 557.

14. Д. Эрде, указ. соч., стр. 102.

15. В. Антонов-Овсеенко. Записки о гражданской войне. Москва, 1924, т. I, стр. 170, 179-180.

16. Д. Эрде, указ. соч., стр. 97, 102, 103, 116.

17. Н. Попов, указ. соч. стр. 24.

18. Я. Ряппо, указ. соч. стр. 92-97.

19. С. Мазлах, указ. соч. стр. 166.

20. J. Bunyan and H. Fisher. The Bolshevik Revolution. Documents and Materials. Stanford, 1934, p. 451.

21. Советский главнокомандующий писал, что при столкновении с немцами на Украине «мы в пору наибольшего развития своих боевых сил могли противопоставить не более 20000 бойцов... Наш румынский и юго-западный фронты были в полном разложении. Никакой реальной силы противопоставить немецкому нашествию они не могли... В частях, находившихся в нашем распоряжении, наблюдалось полное господство демобилизационных настроений». (В. Антонов-Овсеенко, указ. соч., т. 2, стр. 5, 8, 17.

22. У советских авторов того времени есть много указаний на эти настроения. Напр., в Харькове уже в январе 1918 г. среди рабочих и солдат было «некоторое разочарование в советской власти». (Н. Попов, указ. соч. стр. 23). При наступлении немцев по Украине прокатилась волна антисоветских манифестаций. Железнодорожники станции Авдеевка требуют «Учредилки» (там же, стр. 28).

23. С. Сумский. Одиннадцать переворотов. – *Летопись Революции*, № 1, Берлин, 1923, стр. 235.

24. М. Hrushevsky. *A History of Ukraine*. Yale University Press, 1941, p. 549.

25. Краткий отчет об этом совещании напечатан в органе ЦК РСДРП «Партийные известия» (Москва, 20 мая 1918 г.) Согласно этому отчету на совещании были делегаты из Бердичева, Проскурова, Прилуцка, Николаева, Одессы, Чернигова, Кременчуга, Елизаветграда, Винницы, Жмеринки, Тального, Ромен, Лубенец, Житомира и Умани. Непонятно, почему в этом списке нет Харькова и Киева, хотя киевская организация, по-видимому, была представлена на совещании.

26. Там же, 10 июня 1918. г.

27. Александр Константинович Скрыпников – журналист и кооператор, с середины 90-х годов был членом ростовской организации печати. После революции 1905 года Скрыпников был приговорен судебной палатой к ссылке в Сибирь, где он занимался кооперативной и культурной работой. В 1917 г. был секретарем киевского областного комитета меньшевиков, а в 1918 г. – членом Всеукраинского Главного комитета РСДРП. В сентябре 1918 г. Скрыпников был арестован в Ростове и посажен в таганрогскую тюрьму, где он вскоре умер от тифа. (Южный рабочий. Орган одесского комитета РСДРП, 16 февраля 1919 г.)

ГЛАВА 4

Контрреволюция. Режим гетмана

Власть гетмана была национальной на словах, а на деле была в полной зависимости от командования оккупационных войск, германских на севере и австрийских на юге. Несмотря на показной национализм, Скоропадский был в тесном контакте с реакционными русскими организациями; его поддерживали и правые группы русских конституционных демократов. Большое влияние на его правительство оказывал сильный «союз промышленности, торговли, финансов и сельского хозяйства» (Протофис), объединявший промышленников, торговцев и землевладельцев.

Период гетмана был не только смутным, но и мрачным временем на Украине. Это был период расцвета разного рода атаманов, некоторые из них, как Махно и Григорьев, атаманствовали над большими, хорошо вооруженными отрядами и захватывали крупные города, как, например, Екатеринослав; они легко переходили с одной стороны на другую, заключая непрочные союзы то с гетманцами, то с большевиками, то с зарождающейся Директорией, и потом предавая их; в городах они устраивали грабежи и облавы, избивая и убивая то большевиков, то буржуев, то деникинцев, и всегда евреев. В провинции немецкие карательные отряды усмиряли крестьянские восстания с большой жестокостью. Советское украинское правительство бежало в Курск и оттуда руководило

организацией повстанческих отрядов, снабжая их деньгами и оружием. Обещание гетмана учредить представительный орган взамен разогнанной Рады выполнено не было. Политическая жизнь на Украине замерла¹.

Вопреки урокам революции Протофис, при поддержке правительства повел ожесточенную кампанию против существующих социальных законов, профессиональных союзов и 8-часового рабочего дня и видел во всех социалистах, украинских и русских, полубольшевиков. В деревне возвращение помещиков вызвало острое недовольство. Произошло то, чего меньшевики опасались с первых же дней октябрьской революции: на смену советскому режиму пришел режим открытой реакции.

ЦК РСДРП видел в режиме Скоропадского не только местное явление, но и прообраз возможного развития в других районах расколотой на части и ввергнутой в гражданскую войну России. Резолюция «О государственном перевороте на Украине», принятая ЦК 10 мая 1918 года, указывала, что режим Скоропадского «лишь закрепляет и усиливает расчленение России и превращает ее в колонию германского империализма... В данный момент именно этот империализм является главным руководителем контрреволюционных сил... созданное им гетманство Скоропадского становится центром сплочения таких сил в Великороссии».

Формально РСДРП на Украине запрещена не была, но подвергалась постоянно преследованиям со стороны политической полиции («державной варты») и немецких властей. Под флагом борьбы с большевизмом происходили многочисленные аресты социалистов, особенно бундовцев, без предъявления обвинений. В Киеве бюро меньшевистской организации было арестовано в августе два раза. В сентябре в Харькове были арестованы меньшевики и эсеры члены городской Думы, но вследствие протеста Думы с участием депутатов-кадетов арестованные были освобождены. В Николаеве немецкое командование закрыло в сентябре меньшевистскую газету «Путь социал-демократа» на три недели за статью против «державной варты»². В Харькове был арестован комитет эсеров и несколько раз была закрыта меньшевистская газета «Наш Юг»³. Аресты и избиения меньшевиков и других деятелей профессионального движения были повсе-

местным и повседневным явлением. Фактически РСДРП перешла на полуполюгальное положение и ориентировалась на свержение власти гетмана. Уже в июне конференция меньшевиков в Киеве приняла резолюцию о необходимости свергнуть режим гетмана⁴. В Екатеринославе социалистические партии вели агитацию за свержение гетмана и восстановление республики⁵.

Ориентация на свержение власти гетмана была обща меньшевикам и большевикам, но цели и методы их были противоположны. Меньшевики стремились к перевороту, опираясь на народные, в первую очередь рабочие массы с целью установить демократическую власть. Коммунисты хотели ввести советский строй, опираясь на повстанческие отряды и на помощь Красной армии. Никаких попыток образования единого фронта, даже с ограниченными целями, ни с той ни с другой стороны сделано не было. Линия на соглашение с коммунистами, которая осенью наметилась в Москве, на Украине в это время еще отсутствовала.

Даже по отношению к переговорам о соглашении, которые происходили между Украиной и РСФСР на основании Брест-Литовского мира, меньшевики проявляли большую сдержанность вследствие их вражды к обеим сторонам. Переговоры тянулись все лето вследствие разногласий по вопросам о таможенном договоре, финансовых обязательствах и главное о границах. Председатель Временного Всеукраинского комитета меньшевиков М. Балабанов заявил уже в мае, что Украина выступает в этих переговорах не самостоятельно, а под опекой и в интересах немцев, и что единственный положительный элемент этих переговоров состоит в том, что они могут способствовать установлению в будущем федеративной связи между Украиной и Россией.

Несмотря на сокращение в этот период политической деятельности партии, осенью 1918 года была созвана в Харькове Вторая Всеукраинская конференция РСДРП. Эта конференция отличалась от первой тем, что она заседала нелегально и что большинство делегатов принадлежало к фракциям интернационалистов и левых, возглавляемых Б. Бэрмом. Те причины, которые вызывали рост левых тенденций в партии на севере, действовали в более ограниченной степени и на Украине, но сильное влияние в этом направле-

нии оказывал приход к власти реакционного правительства. Вместо Временного украинского комитета партии, конференция выбрала постоянный Главный комитет, отличавшийся сильным левым уклоном. Разногласия между обеими фракциями партии в это время обострились главным образом по вопросу об отношении к советской власти и о тех силах, с которыми допустимо сотрудничество в борьбе с ней.

В партийных организациях, особенно одесской, в которых правые по-прежнему были в большинстве, антисоветские тенденции усиливались, особенно под влиянием подрывной работы коммунистов, делавших их возвращение к власти на Украине реальной угрозой. Для предотвращения этой опасности не только внепартийные, но и многие внутрипартийные правые устанавливали сотрудничество с другими социалистическими партиями и демократически-либеральными группами, в частности с Союзом возрождения России. По свидетельству одного из руководителей этого союза, В. Мякотина, бывшего в это время в Одессе, в местном отделении Союза дружно работали правые меньшевики, эсеры, энесы и левые кадеты. Правые участвовали также в Союзе земств и городов юга России, который созвал в конце ноября съезд в Симферополе. Съезд принял резолюцию, в которой приветствовал интервенцию Антанты, так как «появление союзных войск на юге... будет благоприятствовать организации сил демократии» и «горячо приветствует образование в лице Уфимской директории мощного фактора в деле возрождения России». Признавая Добровольческую армию — в этот начальный период ее существования — ядром будущих вооруженных сил России, съезд, однако, постановил, что власть должна быть организована не этой армией, а сговором «всех ответственных партий и общественных групп». В постоянный орган, выбранный съездом, в «Совет земств и городов юга России» были выбраны 9 меньшевиков, 9 эсеров, 9 кадетов и 4 энеса^б. Партийное совещание РСДРП 31 декабря 1918 года осудило голосование меньшевиков за эту резолюцию.

Интернационалисты категорически отвергали союзную интервенцию как вмешательство во внутренние дела России и считали сотрудничество с французскими силами, высадившимися в Одессе 18 декабря 1918 года, несовместимым с принадлежностью к партии. Они правильно предсказывали,

что интервенция сведется к поддержке русских реакционных сил. Но после Брест-Литовского мира они уже не ставили знака равенства между империализмом Германии и Антанты и считали, что Германия представляет собою главную опасность для России.

Среди правых меньшевиков на Украине было три течения по вопросу об отношении к интервенции. Внепартийные и часть партийных правых видели в западных демократиях желательных союзников в борьбе с большевиками, тем более, что планы мира Антанты, изложенные в 14-ти пунктах президента Вильсона, опубликованных в январе 1918 года, в дружественной форме касались проблем русского «братского народа» и не допускали мысли о колонизаторских намерениях или территориальных притязаниях союзников. Другие правые видели в интервенции факт, с которым нужно считаться и который нужно стараться направить в благоприятное русло. При высадке французских войск трудно было себе представить, что эта операция окажется слабой и непродуманной и что французские дипломаты и генералы, руководившие ею, обнаружат полное непонимание условий, в которых они действовали, и людей, с которыми они имели дело. Третьи отвергали всякое иностранное вмешательство. Так, Украинский центральный совет профессиональных союзов, руководимый правыми меньшевиками, принял в ноябре 1918 года резолюцию, которая «настаивает на выводе войск иностранных держав из всех частей России».

В руководящих кругах партии переворот на Украине еще более усилил внимание к проблеме восстановления единства России и к национальному вопросу. В тезисах «О государственном распаде России» предложенных Всероссийскому партийному совещанию в мае 1918 года, через месяц после прихода к власти Скоропадского, Ю. О. Мартов писал, что распад России был не процессом самоопределения ее народов, а результатом победы Германии:

«Борьба за возможно скорое и возможно полное уничтожение искусственного распада единого государственно-хозяйственного организма России, за восстановление ее единства и политической и экономической независимости... является основной задачей российской революции и российского пролетариата».

Успех этой борьбы, писал Мартов, требует участия меньшевиков в местных законодательных и других представительных органах и отстаивания в них демократических принципов. Восстановлению единства России Мартов придавал такое большое значение, что, признавая необходимость свободного самоопределения национальностей, он принимал принцип федерации, по крайней мере в нездоровых условиях того времени, только как вынужденную и временную меру. Он писал в тех же тезисах, что РСДРП должна вести свою политику, «ставя своей целью восстановление Российской Республики как единого государства и принимая республиканскую федерацию лишь как переходную форму от полного распада к государственному объединению»⁷.

Очевидно, под влиянием украинских событий пленум Московского комитета РСДРП, заседавший 19-21 мая, принял резолюцию, в которой он писал:

«Выдвигая общенациональную задачу борьбы за независимость и единство России; призывая пролетариат к самому активному участию в стихийно нарастающем национальном движении, социал-демократическая партия должна в то же время со всей энергией бороться против уклона национального движения в сторону шовинизма, национальной исключительности и ненависти»⁸.

Журнал «Новая заря», орган московского областного комитета РСДРП, обсуждал эти вопросы в течение мая и июня в ряде статей. Передовая статья о приходе к власти Скоропадского писала 20 мая 1918 года:

«Российская социал-демократия, партия рабочего класса, должна отныне быть самой активной партией национального возрождения борьбы за воссоединение и независимость России».

Член ЦК партии А. А. Трояновский писал в номере от 1 мая:

«Борьба за единство России уже связана с требованием Украинского и Всероссийского Учредительного собрания... Как федеративная советская республика является символом распада России, так Всероссийское Учредительное собрание должно стать формой и символом ее единства».

Ю. П. Денике писал в номере от 10 июня:

«Нам пришлось пережить ужасный опыт, чтоб убедиться, что и у пролетариата есть отечество... Устранение большевистского режима прежде всего необходимо для самой постановки национальной задачи».

Считая, что, свергнув советскую власть, Россия должна ориентироваться на антигерманскую коалицию, автор призывал к осторожной политике, которая не допустила бы зависимости России от этой коалиции.

Орган московской группы плехановцев «Единство» в номере от 27 мая 1918 года поддерживал право на национальную власть при условии, что она не будет опираться на германские штыки, а возникнет из народных глубин. В этом случае «Все, что произрастает из самодеятельности народа, из его национального пробуждения, хотя бы оно казалось ничтожным, должно быть встречено с подъемом и взлелеяно как святыня».

Меньшевики в профессиональном движении

Большая часть деятельности меньшевиков в период гетмана протекала в профессиональных союзах, в которых они играли руководящую роль. Они стояли во главе Украинского центрального совета профессиональных союзов с самого его образования в мае 1918 года и получили большинство в Киевском совете союзов, который раньше был в руках коммунистов. Ослаблению коммунистов в украинских союзах способствовало не только разочарование, вызванное среди рабочих первым украинским советским правительством, но и полицейские преследования, которым коммунисты подвергались при гетмане. Рабочим организациям приходилось обороняться от реакционной политики правительства, от сильного давления предпринимателей, от последствий хозяйственной разрухи и от подрывной работы, которую вели в них коммунисты. Поэтому деятельность меньшевиков, возглавлявших профессиональные союзы, шла в двух направлениях: политическом и экономическом.

Их политическая деятельность состояла главным образом в борьбе за самое существование легальных союзов и

против преследований, которым союзы подвергались. Так, Уцентропроф писал своему представителю в Харькове, что «прямой задачей всех деятелей профессионального движения является борьба за сохранение легальных профессиональных союзов»⁸. Коммунисты, наоборот, считали, что и в профессиональных союзах «основной задаче — задаче борьбы за господство рабочего класса (т. е. за советскую власть — *С. В.*) должно быть подчинено все остальное»⁹. Обыски, аресты, избиения, высылка деятелей профессионального движения, обвиняемых без всякого основания в большевизме, стали массовым явлением.

По отношению к правительству гетмана профессиональные союзы естественно, вели оппозиционную линию. Уцентропроф подал правительству несколько меморандумов, протестуя против насилий над союзами и предупреждая, что эти насилия могут привести к стихийному взрыву. В сентябре Уцентропроф указывал в меморандуме председателю совета министров на крепнущую среди рабочих мысль об организации подпольных союзов, так как легальные союзы только облегчают «державной варте» налеты и аресты; однако «центральные организации рабочих и ответственные представители рабочего класса ведут борьбу против подобных настроений и считают необходимым, до крайней возможности, легальным путем отстаивать легальное существование профессиональных союзов». Еще в октябре, за месяц до падения гетмана, Уцентропроф повторил, что «еще не наступило время для коренного пересмотра этой тактики»¹⁰.

Было бы неправильно понимать эту тактику так, как ее изображали коммунисты, как тактику покорности и приспособления. Ее правильно было бы сравнить с тактикой арьергардных боев, сохраняющих целостность отступающей армии. И действительно, меньшевикам удалось предохранить профессиональные союзы от разгрома до самого падения власти гетмана.

В соответствии с этой тактикой Уцентропроф решил, вопреки протестам коммунистов, принять участие в правительственном Комитете труда, который был организован для подготовки социальных законов, в составе равного числа представителей министерств, организаций промышленников и профессиональных союзов. Представители Уцентропрофа

огласили на первом заседании Комитета декларацию, в которой они указывали, что они не делают себе никаких иллюзий относительно правительства и его Комитета:

«В области политической мы видим неуклонное восстановление в полной мере системы царского самодержавия, опирающейся ныне на поддержку иностранной оккупации. В области экономической основой деятельности правительства служат в действительности постановления майского съезда представителей промышленности, торговли, финансов и сельского хозяйства».

В Комитете, продолжала декларация, «наш голос будет только выслушан, услышан же будет голос промышленников», а если нынешний политический курс будет продолжаться, то могут возникнуть условия, при которых «наше участие в Комитете станет бессмысленным и невозможным». Антирабочая политика правительства продолжалась и Уцентропроф вскоре отозвал своих представителей из Комитета.

Принципы, которые должны были быть положены в основу профессионального движения на ближайший период, были выработаны на Первой Всеукраинской конференции профессиональных союзов, заседавшей в Киеве 21-27 мая 1918 года. На этой конференции, созванной по инициативе киевского и харьковского Центральные бюро союзов, участвовали 539 делегатов, из них 184 меньшевика, 83 бундовца и 40 правых эсеров, которые вместе имели абсолютное большинство делегатов. Коммунисты и сочувствующие получили 45 мандатов, т. е. 8,3%; вместе с левыми эсерами и анархистами они составили оппозицию, которая не могла собрать больше 70 голосов. По словам советского комментатора, «в профессиональном движении господами положения остались меньшевики; на конференции они имели подавляющее большинство. В послеоктябрьской России эта конференция была единственным крупным съездом, который прошел под руководством социал-демократов»¹¹.

Столкновение с коммунистами произошло на конференции уже по вопросу о порядке дня. Коммунисты требовали, чтоб на первое место был поставлен общеполитический доклад о «текущем моменте». Большинство не согласилось с этим, считая, что конференция может быть разогнана полицией в любой момент и что необходимо прежде всего решить

важные практические вопросы; поэтому «текущий момент» был перенесен на последнее место порядка дня.

На деле, однако, политика доминировала в дебатах по всем вопросам. Все доклады были сделаны руководящими меньшевиками, но оппозиции было предоставлено право выставлять содокладчиков. По основному вопросу об «экономической тактике рабочего класса» докладчиком был А. М. Наумов, острая речь которого несла на себе явные следы только что пережитого кратковременного опыта с советской всастью на Украине. До июля 1917 года революция и рабочее движение шли в гору, сказал Наумов, а после июля они «потерпели ряд тяжелых, а подчас и позорных поражений». Социализм — дело будущего, а если революция даже и произойдет на Западе, то она «найдет у нас одни лишь перья», поэтому нечего на нее особенно рассчитывать. А при существующем тяжелом экономическом положении, немецкой оккупации и безработице профсоюзы должны ограничиться оборонительной борьбой. Они должны добиваться участия в государственном контроле над производством, но отказаться от «рабочего контроля», террора против предпринимателей и т. п. эксцессов. Стачки надо применять «осторожно, с сознанием всей ответственности и тех тяжелых последствий, которые влекут за собою неудачи» в тяжелых существующих условиях. Докладчик хотел предложить программу трезвой, но не оппортунистической деятельности. Профессиональное движение, по его мнению, должно было отказаться от оппортунизма английских тред-юнионов и вспышкопускательства французских синдикатов, а должно было принять германско-скандинавский метод и быть частью рабочего движения, идущего к социализму.

У коммунистов было двойственное отношение к стачкам: с одной стороны, даже потерпев поражение, они полезны как элемент усиливающий хозяйственную разруху; с другой стороны, они распыляют силы, нужные для более важной цели — подготовки восстания. На Украине «коммунисты не должны увлекаться возможностью теперь практической работы в союзах», указывала цитированная выше статья в «Коммунисте»; на каждом заводе, фабрике, мастерской должен быть выбран комитет из сторонников советской власти; эти комитеты должны выбрать нелегальные центральные

комитеты; их сторонники должны научиться владеть оружием и подчиняться железной дисциплине.

В противоположность этому резолюция конференции о «текущем моменте» заявила¹²:

«Оставаясь верной лозунгу демократической республики, который выдвигается и отстаивается всем международным пролетариатом, конференция решительно отвергает всякие новые призывы к рабочему классу снова встать на путь борьбы за власть Советов. Этот путь уже привел к разгрому Учредительного собрания и демократических органов местного самоуправления, попранию свободы слова, права коалиций, неприкосновенности личности».

Свое отношение к режиму Скоропадского эта же резолюция определила следующим образом:

«Вместе со всей демократией, решительно протестуя против переворота (Скоропадского) 30 апреля, произведенного с целью срыва Украинского Учредительного собрания и реставрации монархического строя, конференция заявляет, что судьбу Украины должна определить только воля населяющих ее народов, выраженная в Украинском Учредительном собрании, которое утвердит демократический строй».

Докладчик по организационному вопросу П. А. Гарви возражал против «гибельной тенденции» строить профессиональные союзы по национальному признаку и вместо этого предлагал организовать при союзах национальные культурно-просветительные секции. Отделение Украины от России разорвало нити, связывающие украинское и всероссийское профессиональное движение и «этот разрыв губительно отражается на профессиональном движении... Наша задача — воссоединение всероссийского профдвижения». В этом же духе высказался (неназванный) представитель РСДРП на конференции, который настаивал на подчинении украинских профессиональных союзов всероссийским союзным центрам.

Конференция выбрала Уцентропроф из 25 членов, среди которых меньшевики имели абсолютное большинство.

Вопрос о независимости профессионального движения от социалистических партий не играл на Украине той роли, какую он играл на севере. Фактически руководство движением было в руках меньшевиков, но возводить этот факт в принцип нельзя было при наличии украинских социалисти-

ческих партий. Хотя влияние этих партий в союзах, состоявших в значительном большинстве из русских рабочих, было невелико — на майской конференции профессиональных союзов украинские социал-демократы и эсеры вместе составили 6,6% общего числа делегатов — игнорировать их участие нельзя было. Независимость профессионального движения стала острым вопросом только после утверждения на Украине советской власти, но уже как независимой от коммунистической партии и государственной власти.

Сохранение безусловного права на стачки, но большая осторожность в применении их при господствующей неблагоприятной конъюнктуре, стала основным принципом украинского профессионального движения в этот период. Летом, когда крупная стачка железнодорожников вспыхнула стихийно в результате конфликта по вопросу о заработной плате, меньшевики, к большому негодованию коммунистов, отказались поддержать ее, так как она возникла без согласия профессионального союза. Хотя для финансирования ее ВЦСПС прислал из Москвы 1.580.000 рублей¹³, через несколько дней стачка пошла на убыль. Но во многих других случаях профессиональные союзы объявляли забастовки ввиду бедственного положения рабочих. Так, печатники бастовали в Херсоне, Харькове, Екатеринославе, Киеве и других городах¹⁴. Осенью стачечное движение приняло более широкие размеры.

Считая себя ветвью всероссийского профессионального движения и ведя кампанию против политических преследований на Украине, Уцентропроф протестовал также против таких преследований в РСФСР. Когда в Москве после покушения на Ленина был объявлен «красный террор», Уцентропроф издал воззвание, в котором писал¹⁵:

«По всей России льется кровь, гибнут тысячи жертв, среди которых немало старых, испытанных защитников рабочего класса. В казематах томятся массы заложников, словно побежденные в завоеванной стране, которым угрожают расстрелами.

Перед лицом таких неслыханных, безумных фактов мы считаем долгом заявить, что рабочий класс всегда был против террора, откуда бы он ни исходил. Рабочий класс боролся всеми силами против этого способа расправы с политичес-

кими врагами. Расстрелы заложников, умерщвление тысяч людей в ответ на убийство одного человека...^{*} все эти приемы расправы в корне противоречат методам пролетарской борьбы; ибо этот террор — не борьба, а месть над безоружными и беззащитными врагами. Демократии наносится террором, применяемым советской властью, непоправимый и жестокий удар...

Организованный пролетариат должен поднять свой голос и заявить открыто: вина за террор падает на тех, кто его применяет. Рабочий класс никогда не имел, не имеет и не будет иметь ничего общего с этим методом борьбы».

Осенью, когда политическое напряжение на Украине выросло и режим гетмана зашатался, Уцентропроф принял резолюции, призывающие к активной борьбе против попыток советского переворота и против правительства Скоропадского. В октябре совещание Уцентропрофа постановило:

«Выдвигая лозунг Учредительного собрания и Российской федеративной социалистической республики, считая, что борьба за эти лозунги должна вестись теперь с удвоенной энергией, совещание заявляет, что пролетариат не даст увлечь себя на путь авантюры и провокаций», т. е. на путь коммунистов. В ноябре Уцентропроф указал, в каком направлении эта «удвоенная энергия» должна действовать: считая, что «наступил момент решительных организованных выступлений пролетариата» за установление демократии на Украине, Уцентропроф «признает необходимым немедленное возобновление деятельности демократических дум и земств с передачей им всей власти на местах»¹⁶.

Так как думы и земства были единственными демократическими органами на Украине, Уцентропроф считал, что именно они должны взять на себя инициативу — впредь до созыва Украинского Учредительного собрания — в образовании временной демократической власти на Украине и создании демократической федеративной России.

«В целях осуществления указанных задач пролетариат Украины, проводя свою самостоятельную тактику, согласует свои шаги с действиями всей остальной демократии, и прежде

^{*} М. Урицкого. — *Прим. ред.*

всего с органами демократического самоуправления, для чего в центре и на местах необходимо немедленно приступить к созданию соответствующих объединенных органов».

Это был мертворожденный план — не было возможности приступить к проведению его в жизнь. Последовавшие в дальнейшем новые перевороты на Украине приводили не к демократии, а к новым формам деспотии. Деятельность демократических, в том числе социалистических, партий становилась все труднее.

К осени правительство Скоропадского потеряло всякий престиж. Революция в Германии выбила из-под него последнюю опору — германскую армию. Гетман Украины, переодевшись в немецкую форму, бежал в Берлин. Можно было ожидать, что его реакционный режим усилит симпатии населения к коммунистам и поможет им вернуться к власти, тем более, что восстание против гетмана могло рассчитывать на военную помощь РСФСР. Но условия для советской диктатуры на Украине еще не созрели. Правительство гетмана свергли не коммунистические повстанцы, а украинские националисты. К власти пришла Директория.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В мае генерал Деникин получил донесение из Екатеринослава: «Город разделен на 5 районов. В верхней части укрепились добровольческие дружины; в районе городской думы — еврейская самооборона; добровольцев, самооборону и немцев окружают петлюровцы и, наконец, весь город в кольце большевиков и махновцев». (А. Деникин. Гетманство и Директория на Украине. Революция на Украине по мемуарам белых. Москва-Ленинград, 1930, стр. 170.)

2. Утро Москвы. Орган московского союза печатников, 3 августа, 2, и 23 сентября 1918 г.

3. Н. Попов, указ. соч., стр. 29.

4. Г. Игренов. Екатеринославские воспоминания. — Архив русской революции, Берлин, 1921, т. 3, стр. 235.

6. Б. Мякотин. Из недалекого прошлого. — На чужой стороне, Берлин, т. 5, стр. 232, 234.

7. Наш голос. Социал-демократический сборник, 26 мая 1918 г. Сдержанное отношение к федерации сказывалось в партии и позже, может быть под влиянием тех форм, в которые отлилась украинская «самостийность» при гетмане и при Директории. Так, передовая о самоопределении наций в «Социалистическом вестнике» (16 февраля 1921 г.) проводила следующую мысль:

«Социал-демократия не обязуется всегда и везде стоять даже за федеративный принцип сожителства между нациями в пределах одного государства: считаясь с потребностями современного централизованного хозяйства, она оставляет за собою право отстаивать (силою убеждения) в том или другом случае преимущества более или менее централизованного государства, гарантирующего отдельным нациям самоуправление и свободу культурного развития».

8. Б. Колесников, указ. соч. стр. 54.

9. Коммунист, 1918, № 3-4.

10. Б. Колесников, указ. соч., стр. 86-87, 117.

11. Первая Всеукраинская конференция профессиональных союзов. Киев, 1924, стр. 4. Эта книга содержит запись главных речей, тексты резолюций конференции и пр. и является главным источником данных о конференции.

12. Полный текст резолюции о «текущем моменте» приведен у Б. Колесникова, стр. 360.

13. Там же, стр. 110.

14. Там же, стр. 113.

15. Там же, стр. 363.

16. Полный текст резолюции приведен у Б. Колесникова, стр. 364.

ГЛАВА 5

Второй цикл: национализм, коммунизм, реакция

Директория Украинской Народной Республики

Политика лояльной оппозиции, которую меньшевики вели при правительстве Рады, закончилась с падением этого правительства. По отношению ко всем последовавшим затем режимам РСДРП занимала более враждебные позиции. Она вела такую линию при первом украинском советском правительстве в начале 1918 года, продолжала ее при гетмане и сохранила ее, после короткого перерыва, при Директории Украинской народной советской республики в конце года.

Директория, возникшая из недавно образованного Украинского национального союза, состояла из пяти членов, во главе со старыми деятелями Рады, украинскими социал-демократами Винниченко и Петлюрой. Благодаря развалу власти гетмана после ухода немцев и неподготовленности коммунистов, небольшие силы Директории, состоявшие в значительной степени из галицийских «сечевых стрелков», двинулись на Киев и взяли его 14 декабря 1918 года.

Как новая власть украинских националистов, Директория была преемницей Рады, но по своему политическому направлению имела мало общего со своей предшественницей. За истекший год Украина сделала большой попятный шаг от революции к контрреволюции. От демократизма Рады, который примирял меньшевизм с некоторыми ее отрицательными чертами, при Директории осталось мало, и даже национа-

лизм, общий Раде и Директории, принял теперь характер острого шовинизма. Директория отличалась от Рады также преобладанием в ней крайних левых тенденций, олицетворением которых был председатель Директории Винниченко, вступивший в острый конфликт с менее радикальным, но более энергичным начальником вооруженных сил «головным атаманом» Петлюрой. Под руководством Винниченко Директория хотела вступить в соглашение с Советской Россией и установить у себя подобие советской власти, но национальной и независимой от Москвы. Директория издала 26 декабря декларацию, которая обещала ввести 8-часовой рабочий день, право на стачки и т. п., восстановить местные органы самоуправления, а также лишить «нетрудовые элементы» избирательных прав; для организации власти должен был быть созван Трудовой конгресс, в котором должны были быть представлены рабочие, крестьяне, и «трудовая интеллигенция». Но Директория, как и Рада, с самого начала не сумела создать авторитетную власть и хотя бы сносную администрацию, и быстро растратила капитал симпатий, которые она привлекла тем, что именно она свергла ненавистный режим гетмана.

Последнее обстоятельство и некоторая неопределенность полусоветских, полудемократических деклараций Директории вызвала вначале настороженно-выжидательное отношение к ней со стороны меньшевиков. После образования Директории, но еще до занятия Киева, в Харькове 30 ноября состоялся съезд комитетов рабочих организаций Украины, Дона, Крыма к Кубани; на съезде присутствовали 130 делегатов. Избранный по пропорциональному принципу президиум состоял из 7 меньшевиков, 1 эсера, 2 коммунистов и 1 анархиста. В самом начале съезда между меньшевистским большинством и коммунистической фракцией возник конфликт, вызвавший уход коммунистов со съезда. После этого съезд принял политическую резолюцию, формулировавшую основные требования меньшевиков:

«Целью демократической власти является немедленное проведение неограниченных гражданских свобод, восстановление в полном объеме самоуправлений и передача им власти на местах, проведение широких социальных реформ, всестороннее регулирование производства, восстановление

национально-персональной автономии, передача крупного помещичьего землевладения крестьянским земельным комитетам и созыв Украинского Учредительного собрания для полного закрепления революции на Украине. Дальнейшей целью пролетарской борьбы на Украине является воссоздание Российской демократической федеративной республики и созыв Всероссийского Учредительного собрания»¹.

В это время петлюровские силы уже готовы были начать движение на Киев с целью свергнуть гетмана и захватить власть. Давал ли новый претендент на власть надежду на осуществление широкой демократической программы, изложенной в этой резолюции съезда, было неясно. Поэтому съезд занял по отношению к Директории позицию условной поддержки ее, поскольку она стремится свергнуть Скоропадского и помещичью власть и содействовать восстановлению органов самоуправления. Всякие выступления против петлюровцев в момент их борьбы с гетманом съезд осудил как косвенно помогающие помещичьей реакции².

Часть меньшевиков, делегатов съезда предлагала отказаться от Советов, считая, что Советы неизбежно вступают в столкновение с другими рабочими организациями. Но большинство съезда, исходя из того, что широкие массы рабочих остаются вне организации, постановило, что Советы должны быть сохранены и даже организованы там, где их нет, но что они «должны быть классовыми органами, отстаивающими политические и классовые интересы пролетариата, а не органами власти».

Фактически меньшевики продолжали участвовать в Советах и в некоторых из них, например в Елизаветградском, в период Директории имели большинство.

В заключение своих работ харьковский съезд избрал «рабочий центр» в составе 15 меньшевиков, 5 эсеров и 5 представителей национальных социалистических партий. В конце декабря «центр» высказался против планированного Директорией Трудового конгресса с его ограниченным избирательным правом и за созыв «предпарламента» из представителей рабочих и крестьянских организаций и органов местного самоуправления.

В течение декабря рабочие организации, руководимые меньшевиками, оставались в контакте с правительством Ди-

ректории. В Харькове рабочая делегация 22 декабря вела переговоры с Петлюрой о положении в Донбассе и о необходимости послать туда войска для борьбы с казачьими властями Краснова. В Киева делегация Украинского Центрального совета профессиональных союзов (Центропроф) посетила Винниченко и сообщила ему, что в ближайшее время предполагается созыв рабочего съезда.

Уцентропроф представил Директории 28 декабря меморандум, в котором излагал свои взгляды на рабочую политику, которую правительство должно вести, причем на первое место был поставлен вопрос об «обеспечении полной и неограниченной свободы коалиций». Все это, однако, были только формальные контакты, а по существу, профессиональные союзы, воздерживаясь от прочного союза с Директорией, в подавляющем большинстве стали на путь борьбы за демократическую республику³.

Ю. О. Мартов с самого начала относился к Директории с недоверием, вытекавшим из его представления о роли различных классов в революции. Он указывал, что «опереточная легкость», с которой Директория захватила власть, создала ей ореол успеха, а успех привлек к ней симпатии мелкой буржуазии и крестьян; между тем, союз с ними не давал гарантии против торжества контрреволюции. Мартов писал:

«Вокруг петлюровцев спланивается именно та часть украинской демократической мелкой буржуазии, которая видит в самостоятельности средство отстоять себя от надвигающегося острого столкновения между большевиками и монархической властью»⁴.

Особенное негодование вызывало у Мартова вмешательство во внутренние дела Украины. Нужно покончить с положением, писал он в той же статье, при котором в Каменец-Подольске распоряжаются румынские генералы, в Павлограде германский консул еще поддерживает Скоропадского, в Севастополе союз торговых моряков регистрируется у английского адмирала, а в Одессе французский адмирал восстанавливает распущенные при Скоропадском городские самоуправления. Но на крайнем левом крыле партии радикализм Директории вызывал более дружественное отношение. Член ЦК Б. Горев считал необходимым союз между нынешней «революционно-демократической Украиной» и советской

Россией, который был бы фактом огромного морально-политического значения в борьбе с контрреволюцией и даже усилил бы шансы революции в Германии. В отличие от украинских меньшевиков Горев одобрял план Трудового конгресса, явно не учитывая сугубо националистического характера, который это учреждение должно было принять⁵.

Второй приход к власти на Украине национального правительства в лице Директории опять оживил среди меньшевиков интерес к национальному вопросу, особенно среди членов меньшинствующих групп, которые склонны были придавать этому вопросу большое историческое значение. С. Сан считал, что «национальный вопрос стоит в центре мировых событий» — в Эльзас-Лотарингии, Польше, Ирландии, Индии и других странах⁶. М. Либер предвидел размах, который национальные движения примут в близком будущем:

«В рядах социал-демократии многие полагают, что происходящая теперь национальная борьба — последние всплески национальных движений эпохи капитализма. Мы же полагаем, что национальный вопрос только теперь вступает в исключительно острую стадию развития... чем слабее национальное движение каждой из этих национальностей, чем менее оно культурно вооружено, тем резче и агрессивнее будет форма его борьбы. Если, скажем, украинское национальное движение в культурном отношении еще молодо... то в своей борьбе за существование оно вне всякого сомнения будет прибегать к мерам насильственного подавления»⁷.

Вопроса о национальных меньшинствах касался также проект основных положений партийной платформы, предложенной «группой старых партийных работников, меньшевиков-оборонцев» партийному совещанию в декабре 1918 года. Проект требовал воссоединения России в границах 1914 года с признанием широкой политической автономии для меньшинств. А там, где воля меньшинств к самоуправлению выражена всенародным голосованием, должна быть установлена связь с Россией на началах федерализма. Последний принцип, очевидно, относился и к Украине.

По мере развития на Украине процесса упадка революции деятельность меньшевиков сокращалась, несмотря на то, что они продолжали пользоваться влиянием среди рабо-

чих⁸. Их по-прежнему считали русской партией на территории Украины, хотя они были во враждебных отношениях с двумя другими действовавшими там более крупными русскими силами — Белым движением и коммунистами. Парламентского центра, в котором оппозиция могла бы проявить себя в общегосударственном масштабе, после Рады не было. Оппозиционной деятельности мешала и политическая чересполосица, раскалывающая Украину на части. В период Директории на Украине существовали три власти, не считая командования французского экспедиционного корпуса в Одессе и многочисленных атаманов: Директория в Киеве, армия Краснова в части Донбасса и советская власть в районе Харькова. В течение 1919 года, будучи часто на полулегальном положении, меньшевики старались использовать оставшиеся возможности открытой деятельности. При Директории, а потом при Деникине они играли руководящую роль в профессиональном движении, участвовали в органах местного самоуправления, которые, однако, в 1919 году уже большой роли не играли, и в ряде городов издавали свои печатные органы, из которых главными были «Начало» в Киеве, начавшее выходить в июле 1919 года, и «Наш голос», орган Главного комитета РСДРП, закрытый большевиками в июне 1919 года (в 1917-18 гг. в Харькове выходили также «Социал-демократ», «Юг», и «Наш Юг») и «Южный рабочий» в Одессе. «Южный рабочий», орган Одесского комитета РСДРП. был закрыт большевиками 24 февраля 1918 года, и редакция его была предана суду Революционного трибунала; вскоре он опять начал выходить и 24 февраля 1919 года был закрыт Добровольцами; с марта 1919 года выходил под названием «Рабочее слово», а с августа опять как «Южный рабочий». После предания редакции суду Революционного трибунала киевский комитет РСДРП заявил, что он солидаризуется с редакцией. «Факт предания суду редакционной коллегии произвел фурор. Не было помещения, которое могло бы вместить всех желающих попасть на процесс». Очевидно, поэтому трибунал не вынес обвинительного приговора⁹. В это же время, с января 1919 года, меньшевики издавали в Харькове журнал «Мысль», самый серьезный из меньшевистских печатных органов, выходивших в России после октября 1917 года. Этот журнал печатал статьи по

идеологическим и политическим вопросам, о событиях в Западной Европе, о национальном вопросе, о восстановлении Интернационала и т. п., давая место представителям всех внутрипартийных течений. В редакционной статье, напечатанной в № 1 «Мысли», задача журнала была определена как попытка ответить на вопрос: «Старый мир сдвинулся со всех своих устоев... что же становится на его место?» Чтоб ответить на этот вопрос, нужна большая критическая работа: «Содействовать этой работе является главнейшей целью нашего журнала, который не преследует никаких фракционных целей, не ограничивает себя рамками той или иной специфической платформы, той или другой из многочисленных „ориентаций” нашего времени, но открывает свои страницы для всякого социал-демократа, чувствующего потребность объективно учесть уроки истории». Хотя «Мысль» издавалась в Харькове, проблемы Украины занимали в ней небольшое место — журнал стремился быть общепартийным органом.

Помимо указанных выше обстоятельств, стеснявших деятельность меньшевиков, большое значение имела их отчужденность от украинского крестьянства. Влияние крестьян на развитие революции было гораздо сильнее на Украине, чем на севере. Более легкая форма крепостничества оставила там менее глубокие следы, и процент зажиточных крестьян на Украине был выше, чем в остальной России. Еще важнее было малое распространение на Украине деревенской общины¹⁰. В результате всего этого общекрестьянская черта — тяга к земельной собственности и к индивидуальному хозяйству — особенно глубоко врезалась в психологию украинских крестьян. Они вдобавок имели склонность и волю отстаивать свои права и интересы: среди них еще живы были традиции казацкой вольницы и романтика Запорожской Сечи. Некоторые историки, в том числе и дружественно относящиеся к украинскому национализму¹¹, считают, что национализм, увлекший в то время широкие слои украинских крестьян, был в значительной степени формой проявления их вражды к помещикам, в большинстве русским и полякам, и оппозиции против выкачивания продуктов земледелия в голодающую Россию. Ввиду всех этих причин украинское крестьянство стало крупной политической силой,

поддержка которой нужна была всякому правительству. Между тем меньшевизм, по своей идеологии, политике и психологии не только оставался в стороне от широкого крестьянского движения, но был враждебен и его целям и его методам.

Наоборот, атаманы, развившие в это время широкие операции, черпали свою силу из тесной связи с крестьянством. Будучи сами деревенского происхождения, они хорошо знали острые зигзаги ее развития. Возвращение помещиков при гетмане вызвало взрыв негодования среди крестьян, которые уходили тысячами в атаманские отряды. Эти отряды играли важную роль в течение всего 1919 года, сначала при Директории, а потом при наступлении на Украину Красной и Добровольческой армий. Крестьяне были единственным классом, который сохранял добрую память о первом украинском советском правительстве. Они помнили советский декрет о земле, но за короткое время существования этого правительства не успели испытать на себе другие стороны советской аграрной политики. Директорию они встретили дружелюбно, но ее неспособность осуществить свои обещания очень скоро вызвала разочарование и переход крестьян на сторону наступавшей на Украину Красной армии. Это обстоятельство больше всего другого помогло второму украинскому советскому правительству (Пятакова) захватить власть. Но не прошло после этого и двух месяцев, как крестьяне, возмущенные введенными этим правительством комбедами, продразверсткой и совхозами, а не передачей земли крестьянам, опять поднялись на восстание — на этот раз против коммунистов.

Этим изменениям крестьянских настроений соответствовали изменения в характере деятельности атаманских крестьянских отрядов. Так, атаман Григорьев, собрав сильный отряд с артиллерией и броневиками, сначала поддерживал Директорию против Скоропадского, после вторжения Красной армии зимою 1918-19 года перешел на ее сторону, но в мае порвал с ней и пошел против нее. Самый крупный из атаманов, анархист Махно, держал особый курс, но по отношению к советской власти проделал сходный путь. Он отвергал государство, политические партии и налоги и задолго до кронштадтского восстания выдвинул лозунг свобод-

ных Советов, но в приказах своим партизанам требовал беспрекословного повиновения командирам, со знаменательной оговоркой — если командиры не пьяны. Как и Григорьев, Махно зимою поддерживал коммунистов, а весною пошел против них. Атаман Зеленый оперировал в Киевской губернии, Струк — в Черниговской, Ангел — в Полтавской и вместе с другими атаманами они покрывали всю страну. Слабость атаманов, не исключая Махно, состояла в том, что их отряды быстро разлагались под действием пьянства, грабежей и безответственности за совершенные ими насилия. Такова была обстановка на Украине в 1919 году. Она была мало благоприятна для органической деятельности партии, отбивавшейся от диктатуры справа и слева.

На атаманах лежала большая доля ответственности за еврейские погромы, которые при Директории и потом при Добровольцах приняли небывалые формы по числу жертв и зверству погромщиков. Традиционный на Украине антисемитизм в это время усилился вследствие обострившейся вражды деревни к городу и упорной агитации, обвинявшей евреев в поголовной поддержке коммунистов; кроме того, погромы служили хорошим поводом для грабежей. В городах и местечках многие тысячи евреев были вырезаны и даже в Киеве еврейское население жило в атмосфере непрекращающегося террора. Директория издавала приказы против погромов, но не имела силы или желания принять меры против этого массового явления. При Добровольцах реакционные круги вели ожесточенную погромную агитацию. Один из лидеров, В. Шульгин, поместил в своей газете «Киевлянин» на шумевшую статью о «пытке страхом», которой нужно подвергнуть евреев чтобы отбить у них охоту служить коммунистам. Эти призывы падали на хорошо вспаханную и кровью орошенную почву.

Руководимое меньшевиками профессиональное движение было единственной крупной общественной силой, которая вела кампанию против погромов. С протестами против погромов выступали и центр движения, и местные союзы. Уцентропроф принял резолюцию, в которой он «выражает глубокое возмущение и всей силой протестует против антиеврейских погромов... Бесчеловечные издевательства, массовые убийства и ограбления имущества мирного еврейского

населения возвращают Украину к темным временам царизма, к ужасам средневековья»¹².

При Добровольцах Югпроф, сменивший Уцентропроф, предложил местным Советам Союзов ставить вопрос о погромах на обсуждение всех делегатских и общих собраний союзов и принял резолюцию, в которой он писал:

«По югу России, истерзанному двухлетней гражданской войной, прокатилась новая волна средневековых ужасов... Воскресают образы царского самодержавья, которое стремились путем национальной травли дать выход недовольству бессознательных масс в антиеврейских погромах»¹³.

При власти Добровольцев по предложению киевского Центрального бюро профессиональных союзов при союзе городов была организована Лига борьбы с антисемитизмом, в которую вошли кооперативы, Международный Красный крест, Союз возрождения и т. п. Лига занималась расследованием слухов о коммунистической деятельности евреев и опровергала эти слухи. В октябре после большого погрома Центральное бюро издало воззвание, в котором оно писало:

«Не на кровавом пути погромов и убийств десятков тысяч невинных людей лежит путь к освобождению от ваших поистине неслыханных страданий последних лет, но на пути сплочения наших рядов в борьбе за сохранение всего, что принесла нам великая Февральская революция».

Это воззвание вызвало обвинение меньшевиков в пробольшевизме.

В приведенной выше резолюции Уцентропрофа о погромах отразилось изменение, которое наступило в отношении меньшевиков к Директории вскоре после ее прихода к власти. От первоначальных слабых надежд на то, что она станет демократической властью, ничего не осталось. Протестуя против погромов, Уцентропроф писал:

«Подобные ужасы возможны лишь в условиях, когда правящие круги умиротворяют страну при помощи осадных и иных исключительных положений, когда подлинная демократия устранена от власти, когда принципы народовластия сданы в архив как изжитые лозунги, когда свобода общественной самодеятельности, свобода печати, собраний и т. д. подавлены фактически действующей военной диктатурой».

Такая оценка власти Директории выражала, конечно, резкое охлаждение меньшевиков к этой власти. Эта перемена обнаружилась и на Трудовом конгрессе, который собрался в Киеве в самые последние дни власти Директории и который должен был «заложить основы новой конституции Украины». Конгресс, как упомянуто выше, должен был быть представительством крестьян, рабочих и «трудовой» интеллигенции, а «нетрудовые элементы» были лишены избирательных прав. Согласно резолюции киевской организации УСД, «украинская революция, как революция трудящихся классов, имеет все признаки социалистической революции в национальных формах», поэтому носителями власти должны быть рабоче-крестьянские Рады (Советы), организованные Трудовым конгрессом.

Но в отличие от советской конституции 1918 года, инструкция к выборам, изданная Директорией 8 января, давала преимущество не рабочим, а крестьянам, как основной массе украинского населения. Конгресс состоял из 377 крестьян, 118 рабочих и 33 интеллигентов. В Киеве «трудовая интеллигенция» образовала «контактную комиссию» из представителей союзов инженеров, врачей, профессоров и т. п., которая постановила голосовать на выборах за список меньшевиков. По этому списку в Киеве были выбраны только два меньшевика; К. Гвоздев и И. С. Биск, избранный одним из пяти секретарей конгресса. Старый союзник меньшевиков Бунд уже раскололся на три фракции — правую, центр и левую, которые с трудом поддерживали между собой организационную связь и вскоре окончательно разошлись. Коммунисты бойкотировали Трудовой конгресс.

Меньшевики относились отрицательно к Конгрессу вследствие того, что он был построен на ограниченном избирательном праве. Чтоб придать ему более демократический характер, они требовали включения в Конгресс представителей демократически выбранных земств и городских самоуправлений. Но оппозиция их к Конгрессу неоднородна. Накануне его открытия бюро фракции интернационалистов киевской организации РСДРП опубликовало декларацию, о том, что «фракция поддерживает идею созыва Трудового конгресса, несмотря на недостатки его организации и состава». Вероятно, по этой причине Биск, которого Мартов харак-

теризовал как «самого левого из меньшевиков», согласился принять избрание одним из секретарей Конгресса¹⁴.

Меньшевики в профессиональных союзах были против Конгресса, но по вопросу о тактике среди них было два течения. Упомянутый выше харьковский «рабочий центр» предложил профессиональным союзам не участвовать в выборах. Уцентроппроф тоже отвергал идею Конгресса, но считал участие в выборной кампании полезным и признал необходимым, чтоб местные Советы союзов взяли на себя руководство выборами от рабочих и интеллигенции. Некоторые союзы, например, в Киеве, Екатеринославе и Житомире, действительно участвовали в выборах, но роль небольшой рабочей группы на Конгрессе была невелика¹⁵.

В те немногие дни, когда заседал Трудовой конгресс, Красная армия уже вплотную подошла к Киеву. Директория, растеряв своих сторонников даже в Конгрессе, большинство из которого примыкало к УПСР, оказалась в критическом положении. Старый конфликт между Винниченко и Петлюрой закончился уходом Винниченко. После этого Петлюра стал во главе национального, или, как его стали называть, «петлюровского» движения. После занятия Киева Красной армией, Петлюра с остатками своих войск ушел на запад к польской границе и оттуда, опираясь на Галицию, вел небольшие военные операции сначала против коммунистов, потом против Деникина.

Второе украинское советское правительство

В период гетмана ЦК украинских коммунистов находился в Курске и, подобно другим правительствам в изгнании, был ареной острых внутренних разногласий. Фактически украинскими делами руководил Ленин при ближайшем участии Сталина. 20 ноября 1918 года «после долгих прений в украинском ЦК и сопротивления значительной его части»¹⁶ было создано Временное советское правительство Пятакова, которого в январе сменил Раковский.

Советское движение Красной армии на Украину началось в декабре 1918 года. Директория, после нескольких бесплодных протестов, 10 января объявила РСФСР войну. В

связи с этим конфликтом орган московского союза печатников, всегда выражавший меньшевистские взгляды, резко выступил и против сепаратизма, и за мирное сотрудничество Украины с Россией:

«Год существования независимой Украины показал вочию слабость идеи самостийности. Украинское государство, независимое от России, не нужно ни украинскому, ни русскому народу... Очень возможно, что при известной затрате энергии, крови и снарядов можно покорить Украину. Но гораздо дальновиднее протянуть между Москвой и Киевом политические и экомомические нити и совместными силами очистить Россию от последних очагов монархизма и реставрации»¹⁷.

В Харькове местный Совет 3 января объявил себя властью. При перевыборах Совета в конце ноября коммунисты получили большинство, но упомянутый выше «рабочий центр», из 25 членов которого 15 были меньшевиками, оспаривал правильность выборов, требовал новых выборов и протестовал против превращения Совета в государственное учреждение. Орган харьковских меньшевиков «Наш голос» писал 21 декабря:

«Едва только украинская Директория, национальные войска и примкнувшие к ним вооруженные отряды крестьян низвергнули гетмана, как сейчас же им пришлось направить оружие в другую сторону. С северной границы Украины надвигаются большевики... Большевики сейчас не являются партией революционной, они просто завоеватели... Остатками своих богатств Украина должна кормить большевиков, разоривших север своим хозяйством»¹⁸.

В первые же дни советской власти в Харькове меньшевистский «Наш голос» был оштрафован на 5000 рублей, но продолжал выходить и критиковать новую власть¹⁹. В этот первый период террора и арестов было мало²⁰.

Победу над Директорией дала коммунистам не столько Красная армия, сколько советские симпатии, которые приняли активную форму среди крестьян, ждавших проведения в жизнь декрета о земле. В более пассивной форме эти симпатии обнаружили среди значительных кругов рабочих как результат реакционной политики гетмана и разочарования, вызванного Директорией. Большевики не могли не учиты-

вать всей серьезности этого факта. В обращении к профессиональным союзам Уцентропроф писал:

«Эти партии (т. е. коммунисты и их союзники — С. В.) имеют теперь преобладание в Советах рабочих депутатов; есть признаки того, что приверженцы этих партий в настоящий момент составляют большинство в профессиональном движении»²¹.

Тем не менее Уцентропроф повел широкую кампанию против коммунистических попыток огосударствления профессиональных союзов по московскому образцу. По словам советского автора «на местах начались острые столкновения между сторонниками политики ВЦСПС — другими словами, между меньшевиками и коммунистами»²². На всеукраинском съезде химиков 11 февраля было избрано Областное бюро из 5 коммунистов и 4 «независимых». На съезде торгово-промышленных служащих меньшевики получили большинство и, вероятно, поэтому съезд вынужден был избрать «временное» бюро. На съездах табачников и металлистов большинство шло за коммунистами. Съезд печатников по-прежнему происходил под руководством меньшевиков²³.

27 апреля открылся Первый Всеукраинский съезд профессиональных союзов. В составе 640 делегатов были 321 коммунист, 70 меньшевиков, 28 эсеров, 31 еврейский социалист, а остальные 190 были беспартийными. Съезд осудил политику Уцентропрофа и принял резолюцию коммунистов о задачах профессиональных союзов 354 голосами против 147.

Это были успехи временные и неустойчивые. Они были результатом преходящих настроений рабочих и обычных мер давления со стороны коммунистических властей. Тот же советский автор отмечает, что на Украине «профессиональные организации до 1920 года почти повсеместно оставались в руках меньшевиков»²⁴.

Временным и неустойчивым было и второе украинское советское правительство. Не учитывая интересов населения и не считаясь с украинским национализмом, оно оттолкнуло от себя и те слои крестьян и рабочих, которые помогли ему прийти к власти. Поэтому в июле, когда началось наступление Деникина, для правительства создалась угроза с тыла и оно потерпело поражение под ударами Добровольческой ар-

мии. Советский историк украинской коммунистической партии, подводя итоги деятельности второго украинского советского правительства, пришел к следующему выводу:

«Не подлежит никакому сомнению, что сосредоточенный удар контрреволюционных сил, международных и внутренних, на украинскую советскую власть, совпал с отходом от этой власти широких крестьянских масс, что настроение крестьянства, а отчасти даже и настроение пролетариата, сильно изменилось во время второй советской власти... Среди рабочих получился известный рецидив меньшевистских настроений и пролетариат, в конце концов, не оказал советской власти в последние недели и месяцы ее существования той поддержки, на которую она могла рассчитывать»²⁵.

Таким образом, на Украине во второй раз политика советской власти привела к победе реакции.

Режим Добровольческой армии

Установление власти Добровольцев, как и предшествующих правительств, произошло на Украине постепенно, по мере продвижения войск на север. Деникин взял Харьков 25 июня, Одессу — 23 августа, Киев — 30 августа 1919 года. Для деятелей социалистических партий и профессиональных союзов приход власти Добровольцев означал новую волну террора, вызванную их оппозицией против этой власти. Орган киевского комитета РСДРП «Начало» призывал к обороне Киева от Деникина; после занятия Киева многие члены партии подверглись арестам и избиениям, а меньшевик Полак был расстрелян. Киевский комитет выпускал антидобровольческие листовки и распространял их на заводах. Популярный эсер Е. П. Рябцев, положительно относившийся к Деникину, вернулся на пост городского головы, но социал-демократы и социалисты-революционеры вышли из городской Управы вследствие ее реакционного характера.

Формально социалистические партии и профессиональные союзы запрещены не были, а в союзах даже наблюдалось оживление, но на деле эти организации подвергались непрерывным преследованиям. Так, в Чернигове член комитета партии Ганжа был убит, председатель его Шафранович был

избит, а все видные члены организации были обречены на расстрел и спаслись только благодаря уходу Добровольцев. Два меморандума, поданные Югпрофом правительству, протестовали против целого ряда случаев насилия над деятелями союзов. Сейчас же после занятия Харькова Добровольцами, были арестованы по ложному обвинению в коммунизме председатель союза городских работников Матвеевко и член правления союза «Игла» Половин, к Н. Меню ворвался отряд офицеров, которые избили его шомполами, ставили к стенке, и т. д., а видный деятель союза химиков меньшевик Н. Виленский был убит «при попытке к бегству».

Так как деятельность в органах самоуправления, профессиональных союзах, кооперативах и других открытых организациях запрещена не была, меньшевики вернулись к ней после ухода коммунистов. Им приходилось преодолевать упадочные настроения, которые к этому времени ясно обозначались в рабочей среде. Эти настроения были порождены тяжелыми материальными условиями жизни, тупиком, в который революция зашла после полутора лет, и двухкратным опытом с советской властью, которая, провозгласив себя рабочей и социалистической и вызвав у украинских рабочих величественные перспективы, оставила после себя одни только разбитые иллюзии. В результате всего этого среди части украинских рабочих росли усталость, апатия, и, вопреки традициям русского рабочего движения, реакционный дух. Один из лидеров украинского рабочего движения, Г. Кучин, писал, что Добровольческая армия победила коммунистов, предшествуемая и поддерживаемая крестьянскими волнениями, что при этом крыло реакционных настроений коснулось и рабочей массы и что была разбита в 1919 году не только Красная Армия, но серьезный внутренний удар перенесли и те рабочие массы, которые остались в городах Украины и под пятой торжествующей реакции.

Киевское Центральное бюро профсоюзов отметило в письме к западным рабочим, что в массах «большевистский максимализм и его деятельность создали почву для широких реакционных настроений, для торжества реакционных политических стремлений». Эти стремления проникли так глубоко, что еще через год, уже при вернувшейся советской

власти, Главный комитет РСДРП отметил, что среди рабочих меньшевикам «приходится сталкиваться не только с пассивностью, но и с определенными, резко выраженными пореволюционными настроениями».

Тем не менее в профессиональных союзах произошло оживление по сравнению с предыдущим периодом — периодом второй советской власти. Вытесненные коммунистами силою, меньшевики вернулись в союзы, опять заняли в них, как и кооперативах, руководящее положение и с большим трудом старались влить живую струю в захиревшие при их огосударствлении организации. Эвакуация Киева советскими властями еще не закончилась, как уже было созвано собрание представителей 22 профсоюзов для выборов временного Центрального бюро профсоюзов. В бюро из семи членов вошли некоторые видные меньшевики-профессионалисты, в том числе председатель правления союза служащих Г. Кучин, член Южбюро союза металлистов В. А. Рубцов и от союза печатников А. Б. Романов. Бюро скоро отозвало своих представителей из комиссии по охране города при городской управе ввиду ее реакционного характера. В постоянное Центральное бюро союзов, выбранное 1 октября, вошли 7 беспартийных, 6 меньшевиков, 1 левый эсер и 1 бывший социал-демократ.

В августе на совещании профсоюзных деятелей в Харькове было избрано Бюро Юга России (Югпроф), взамен Уцентропрофа. Югпроф оборвал связь с ВЦСПС, навязанную Уцентропрофу при господстве коммунистов, но установил связь с союзами Крыма и Северного Кавказа и строил свою деятельность на принципе независимости профессионального движения.

В это время украинским профсоюзам пришлось вести ожесточенную борьбу с организацией «желтых» союзов, созданной инженером Кирста. Эта организация безоговорочно поддерживала режим добровольцев, получала от правительства крупные ссуды, из которых она выдавала пособия рабочим и пользовалась привилегиями и поддержкой властей. Благодаря этому она имела большой успех среди рабочих. «Организационный комитет», стоявший во главе кирстовской организации, и его орган «Путь рабочего», вели злостную кампанию против независимых профессиональных союзов, не

останавливаясь перед клеветой, демагогией, доносами и другими методами этого рода. Организационный комитет обвинял Центральное бюро в том, что оно состоит из переживших коммунистов, а «Путь рабочего» писал, что «ленинцы изгнаны но остались полуленинцы». Центральное бюро отвечало обвинениями в зубатовщине и черносотенстве. В Киеве собрание фабрично-заводских комитетов и правлений союзов 19 сентября характеризовало союзы Кирста следующим образом:

«Пользуясь тем, что рабочий класс переживает глубокое разочарование и находится после жестоких уроков большевистского периода на распутье, что силы его ослабленных организаций не восстановлены... группа лиц, чуждых рабочему классу, ведет работу по совлечению рабочих с пути классовой борьбы».

Борьба с организациями Кирсты отвлекала значительные силы профессиональных союзов. Она потеряла свою остроту только тогда, когда почва начала ускользать из-под ног Добровольцев.

Воспользовавшись представившимся случаем связаться с заграницей, Центральное бюро отправило пространное информационное письмо, адресованное «рабочим Западной Европы», об условиях, сложившихся для украинского рабочего движения при советской власти и при сменивших ее добровольцах²⁶. В этом единственном в своем роде документе меньшевистские руководители профсоюзов подводили — после падения советской власти — итог того, что она дала рабочим. Письмо указывало, что реакцией на гетманщину и германскую оккупацию был рост просоветских симпатий среди рабочих.

«Но эти настроения начали быстро исчезать; господство „коммунистического“ правительства на Украине обнаружило себя в тех же чертах, что и в остальных частях России. Антидемократическая диктатура партийных клик, грубейший полицейский произвол, угнетающий, мертвящий террор, кровавые чрезвычайные комиссии, бессмысленно разбухший бюрократический аппарат, коррупция официальной советской среды, полное уничтожение самостоятельности рабочих организаций, наконец, утопическая внутренняя и экономическая политика, ведущая к неслыханному обостре-

нию финансового и продовольственного кризиса и к полному разрыву города и деревни, катастрофическое замирание промышленности, обнищание городских масс, разрастающиеся крестьянские восстания против паразитирующего и комиссарствующего города — вот черты пережитого периода».

И как естественный результат после этого очень короткого периода начался другой процесс: «большевистские настроения в рабочей массе быстро исчезали, и, под прессом беспощадного террора и голодовки, росли тяжелые настроения полного разочарования и безнадежности, сопряженные с глухой ненавистью к существующему, обманувшему надежды, „режиму“».

Что касается профессиональных союзов, то, превратившись в «бюрократические канцелярии», они оторвались от рабочей массы. Только те немногие союзы, которые могли сохранить свою независимость, «все больше отвечали развивающимся оппозиционным настроениям среди рабочих». Рабочие организации оказались откинутыми далеко назад и теперь, при наступлении реакционных сил Добровольцев, перед обессиленными союзами «стоит элементарная задача — собирать силы; эту задачу приходится осуществлять на почве пассивных настроений в рабочем классе».

Новое правительство — правительство Добровольцев — тоже преследует независимые союзы, оно попирает права рабочих, наступает на их жизненный уровень. возрождает дореволюционные условия. Обессиленным профессиональным союзам трудно бороться с новым наступлением реакции.

В то время многие, в том числе, вероятно, авторы этого письма, считали, что советская власть окончательно скомпрометирована на Украине. Но прошло лишь несколько месяцев и им пришлось отвечать за него перед Киевским революционным трибуналом.

Между тем режим Добровольцев подходил к концу. Он превратился в военную диктатуру с реставрационными тенденциями, широко распространенными среди офицеров. Помещики возвращались в свои имения, иногда в сопровождении военных отрядов, устраивавших экзекуцию крестьян. Украина была снова превращена в Малороссию, украинские школы и печать подвергались преследованиям. Беззакония и насилия местных властей стали обычным явлением. Добро-

вольцы при их стремительном отступлении от Орла на юг под давлением Красной армии, вынуждены были эвакуировать один район Украины за другим, и коммунисты занимали эти районы без труда. К концу года советская власть в третий раз заняла почти всю Украину — на этот раз окончательно.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Б. Колесников, указ. соч., стр. 137.
2. Газета печатников. Орган Московского союза. Москва, 16 декабря, 1918 г.
3. Б. Колесников, указ. соч., стр. 136. По свидетельству лидера Бунда М. Рафеса 28 декабря в Киеве состоялось совещание представителей всех украинских, русских и еврейских социалистических партий. Совещание было созвано главной правительственной партией УСД с целью установить контакт между этими партиями; присутствовали представители различных течений в каждой из этих партий. «Меньшевики представлены были во всех оттенках: от Гвоздева (правого оборонца) до Севрука (левого интернационалиста), но равнодействующая получилась право-меньшевистская». Декларация меньшевиков, по словам Рафеса, требовала нейтралитета Украины в столкновении с между Советской Россией и интервенцией Антанты, отмены исключительных положений на Украине и допущения на Трудовой конгресс представителей самоуправлений, построенных на принципе всеобщего избирательного права. Достигнуть этого соглашения между партиями совещанию не удалось.

В этот период Рафес быстро эволюционировал в сторону коммунизма. Его воспоминания, до этого момента объективные и достоверные, теперь становятся тенденциозными, в частности резко антименьшевистскими и содержат явные преувеличения и неточности (М. Рафес, указ. соч., стр. 122-123 и др.).
4. Л. М. Революция и контрреволюция на юге. — Газета печатников, 15 декабря 1918 г.
5. Всегда вперед. Орган ЦК и МК РСДРП, Москва, 22 января 1919 г.
6. С. Сан. Национальное сопротивление и классовая борьба. — Мысль, Харьков, 1919, № 1.
7. М. Либер. Революция и национальный вопрос. — Мысль, 1919, № 7.
8. Это влияние признавал, например, один из главных советских антименьшевистских пропагандистов на Украине, который писал, что меньшевики имели там связи с рабочими в 1918, 1919 и 1920 годах. (Д. Эрде. Меньшевики. Харьков, 1929, стр. 100). В действительности эти связи сохранялись и позже.
9. Б. Коробков. По ту сторону баррикад. — Каторга и ссылка, 1932, т. 11-12. Видный украинский меньшевик Б. Коробков, вскоре перешедший в РКП, вспоминал об этом уже будучи большевиком. Он писал в своем «Южном рабочем», что во время первой украинской советской власти «продавцы газеты буквально атаковали и помещение комитета и редакцию газеты, устраивая драки, выхватывая друг у друга экземпляры „Южного рабочего“». В эти дни не было случая, чтоб в экспедиции осталось хотя бы несколько десятков номеров газеты.

10. В конце прошлого века процент территории общинного землевладения по отношению ко всему крестьянскому владению составлял в левобережной Украине 33, в правобережной всего 13,9, между тем как в Великороссии он доходил до 95,8. Только в Харьковской губ., так называемой «слободской Украине», этот процент составлял 80,4 (К. Качоровский. Русская община. СПб, 1900, т. 1, стр. 83).

11. Напр., John S. Reshetar Jr. The Ukrainian Revolution 1917-1920, Princeton, 1952, p. 251.

12. Б. Колесников, указ. соч. стр. 135.

13. Полный текст резолюции приведен там же, стр. 402.

14. А. Гольденвейзер, указ. соч., стр. 233; М. Рафес, указ. соч. стр. 121, 146-147; И. Мазепа, указ. соч., стр. 88. По словам Рафеса, меньшевики и бундовцы имели на конгрессе до 50 делегатов, причем бундовцы 9 делегатов. Попытка проверить эти данные была безуспешна. Если они верны, то эти две партии имели треть всех некрестьянских голосов — большая цифра, если учесть, что на Конгрессе были и другие украинские, русские и еврейские партии.

15. Б. Колесников, указ. соч., стр. 134.

16. М. Равич-Черкасский. История Коммунистической партии (б) Украины. Киев, 1923, стр. 101.

17. Газета печатников, 5 января 1919 г.

18. Цит. у Б. Колесникова, указ. соч. стр. 141.

19. Всегда вперед, 27 января 1919 г.

20. Южный рабочий, 16 февраля 1919 г.

21. Цит. у Б. Колесникова, указ. соч., стр. 147.

22. Там же, стр. 151.

23. Там же, стр. 161.

24. Там же, стр. 338.

25. Н. Н. Попов. Очерки истории коммунистической партии (б) Украины, 2-е изд., Симферополь, 1929.

26. Полный текст письма см. в кн. Б. Колесников, указ. соч., стр. 398-402.

ГЛАВА 6

Поляризация в украинском меньшевизме

Ни в одной другой части России революция и гражданская война не протекали в такой бурной форме, как на Украине. После падения Рады в начале 1918 года борьба шла в основном между двумя формами диктатуры — советской и реакционной. Только на отрогах этого большого процесса были две неоднородные попытки создания «третьей силы»: со стороны украинского национализма и со стороны тех меньшевиков, которые были одинаково враждебны коммунизму и реакции. И при всех сменах режимов одна тенденция оставалась неизменной: падение уровня жизни населения, особенно городского, прогрессирующий развал промышленности и транспорта, растущая безработица. В широких кругах населения росли усталость и апатия, а в социалистических партиях, как русских, так и украинских, усиливались оба крайние течения — правое и левое.

Особенностью меньшевизма на Украине была относительная слабость центра, который составлял руководящее большинство в партии на севере, и укрепление его за счет обоих флангов. Эта поляризация была результатом особых условий развития революции на Украине: длительной гражданской войны, частой смены режимов и того факта, что меньшевики могли продолжать там свою деятельность в то время, когда на севере она уже была почти невозможна. Хотя

в обеих крайних группах были свои оттенки, принятые в то время термины «правые» и «левые», не будучи вполне точными, определяют идеологические и политические течения в партии на Украине; однако, некоторые видные члены партии, оставаясь обычно в меньшинстве, принадлежали там к партийному «центру».

В большинстве местных партийных организаций обе фракции, несмотря на частые разногласия, уживались мирно. В киевской организации существовали «клуб оборонцев» и «фракция интернационалистов», но в 1918 году в комитете партии были представлены все течения — правые, левые и центр¹. Наоборот, в Харькове, где находился очень левый Главный комитет РСДРП на Украине, группа правых образовала свою собственную организацию. Опорой правых была одесская организация партии. При перевыборах одесского комитета в феврале 1919 года шла «напряженная борьба» между правыми и левыми, были выставлены два списка кандидатов и список правых получил большинство голосов; правые продолжали поддерживать, с некоторыми оговорками, резолюции симферопольского совещания, построенные на коалиции с либеральными группами, в частности с Союзом возрождения². Еще дальше шла группа внепартийных меньшевиков в Одессе. Один из ее лидеров, Степан Иванович, близкий сотрудник А. Н. Потресова, участвовал в Союзе возрождения при Деникине и из-за этого не был принят в партийную организацию после его эмиграции за границу³. Примирение между обеими фракциями одесской организации произошло только в 1921 г, после многочисленных арестов, произведенных ЧК среди меньшевиков и эсеров. На собрании меньшевистской организации, созванном после арестов, 44 голосами при 19 воздержавшихся была принята резолюция, требовавшая укрепления партийного единства⁴:

«Создавшиеся в данный момент чрезвычайно тяжелые политические условия для деятельности социал-демократов и стоящие перед ней весьма ответственные задачи повелительно диктуют как местным организациям, так и центральным органам необходимость максимального напряжения сил для сохранения единства партии».

Резолюция требовала соответствующих мер не только от местных организаций, но и от центральных органов партии и

предлагала ЦК созвать общепартийный съезд. Вместе с тем одесская организация считала необходимым «чтобы была внутри партии предоставлена каждому течению, не разделяющему позиции ЦК, полная свобода отстаивать свои позиции».

Эти разногласия несколько раз обсуждались в Главном комитете, в ЦК и на всероссийских партийных совещаниях, резолюции которых дают представление о внутрипартийных течениях. Главный Комитет принял 15 августа 1919 года резолюцию о том, что сотрудничество с режимом Деникина несовместимо с принадлежностью к партии. ЦК партии признал это решение правильным и октября 1919 года писал:

«В ЦК поступили сведения о том, что в оккупированной деникинскими частями Украине некоторые члены РСДРП ведут оппортунистическую политику, явно построенную на приспособлении к деникинскому режиму в фантастических целях его демократизации».

Эта резолюция давала преувеличенную картину сотрудничества правых меньшевиков с Добровольцами даже в первоначальный период, когда реакционный характер их режима еще вполне не обнаружился. Отнюдь не все правые меньшевики стремились к такому сотрудничеству. Так, в Киеве даже группа партийных правых с самого начала относилась враждебно Деникину и по этому вопросу в организации установилось полное единство⁵.

ЦК указал в той же резолюции, что центральной задачей по отношению к «военно-реакционной диктатуре» Деникина является революционная борьба с ней. Поэтому члены партии должны поддерживать восстание против этого режима, если оно целесообразно, не участвовать в правительственных органах, но участвовать в выборах и стремиться продолжать легальную деятельность.

В соответствии с этой директивой ЦК партии принял 9 апреля 1920 года следующую резолюцию о харьковской организации:

«ЦК, признавая правую с-д организацию в Харькове вышедшей из партии, поскольку она своим отколом от общей партийной организации в Харькове отказалась нести ответственность за партийную линию революционной борьбы за свержение деникинского режима в целях воссоединения с Советской Россией, постановляет: Вопрос об обратном приеме

членов харьковской организации в партию может быть поднят лишь после официального заявления этой организации об ее самораспусчении. Обратный прием в партию отдельных членов правой организации решается в каждом отдельном случае харьковской организацией РСДРП, причем допускается апелляция в ЦК через главный Комитет»⁶.

Столь же решительную резолюцию ЦК партии принял по отношению к одесской организации 14 апреля 1920 года. Разница между обеими резолюциями состояла в том, что последняя относилась не к одной группе, а ко всей организации:

«Констатируя, что вся политика одесской организации за время разрыва связи между Одессой и Советской Россией шла настолько в разрез со всей линией партии, что, согласно неоднократным постановлениям партии, эта организация поставила себя политически вне партии и сделала невозможным для партии нести за нее ответственность.

«ЦК постановил делегировать члена Главного комитета Н. Н. Попова в Одессу и поручить ему реорганизовать одесскую организацию и в случае необходимости распустить ее и создать новую»⁷.

Беспокойство центральных органов партии вызывала и крайне левая позиция Главного комитета Украины. Совещание, происходившее в мае 1919 года в Москве в составе ЦК, представителей Главного комитета Украины, ЦК Бунда и обеих столичных организаций, обсуждало резолюции недавней партийной конференции на Украине. В дебатах на совещании было указано, что хотя в этих резолюциях практические выводы соответствуют партийным решениям, но обоснование уводит далеко влево от партийной линии. Так, резолюции конференции правильно говорят о задачах социалистического строительства в нынешнюю эпоху, но не делают различия между Россией и Западом; они отстаивают диктатуру пролетариата, упуская необходимость считаться с крестьянством; они требуют создания Интернационала, но говорят при этом о Третьем Интернационале, который имеет определенно коммунистический характер. Представитель Главного комитета на совещании отрицал обвинения в коммунистическом уклоне и говорил, что разница между линией Комитета и линией ЦК вызвана разницей между положением

на Украине и в РСФСР и тем, что советская власть допускает на Украине деятельность меньшевиков⁸.

Если среди правых были, по выражению ЦК партии, «фантастические» надежды на возможность демократического развития при Добровольцах, надежды, построенные на том, что Добровольческая армия была единственной серьезной антисоветской силой, что Деникин был консерватором, но не реакционером и что с ним сотрудничали такие представители русского либерализма, как П. Н. Милюков и П. Б. Струве, то у крайних левых были не менее фантастические представления о неизбежной в скором времени демократизации советской власти. Они видели свою главную задачу в том, чтобы способствовать этому процессу и «выровнять» политику коммунистов. При этом и они, однако, сохраняли элементы оппозиции советскому режиму. В докладе, который лидер Главного комитета М. Бэр прочел в Тифлисе, после его высылки в Грузию в 1920 году, он утверждал, что РСДРП стала на точку зрения непосредственного осуществления социализма и диктатуры пролетариата, но при этом указал и на разницу между меньшевизмом и коммунизмом, которую он формулировал как разное отношение к демократии, разное понимание методов социалистической революции и социалистического строительства, и в особенности неприемлемость для РСДРП диктатуры меньшинства, склонной вырождаться в красный бонапартизм⁹.

Просоветская линия Главного комитета не раз подвергалась критике партийного центра. Ю. Мартов указывал, что «в партии (особенно на юге) все еще сильно ультралевое крыло, лидеры которого, вроде Бэра, вероятно, в конце концов уйдут, но которые пока по своим требованиям „еще смягчить тон“ борьбы с большевизмом и стремлением замазывать вопрос об отношении между демократизмом и „советизмом“ и о политике по отношению к крестьянству вносят большую смуту».

Опасения Мартова оказались преувеличенными. По возвращении из Грузии в Россию, Бэр был опять арестован и отправлен в ссылку в Сибирь, где он погиб в начале Второй мировой войны, сохранив до конца лояльность к партии.

Обострение внутрипартийных разногласий происходило на Украине главным образом в периоды смены властей. Имен-

но в это время происходила консолидация обоих флангов в партии. При приближении Добровольческой или Красной армии партийные организации должны были решить, какую политику они будут вести по отношению к новому правительству. Решение этого вопроса определялось в первую очередь отношением той или иной группы к советской власти, консолидация которой в РСФСР самым непосредственным образом касалась и Украины. Происходившая при этом поляризация партийных течений вызвала резкую критику центристского ЦК партии. Ю. Мартов информировал свою близкую сотрудницу о положении в украинской организации следующим образом:

«На севере и в центре правые, по общему правилу, остались (в 1919 г. — *С. В.*) на позиции лояльной оппозиции, критикуя нас... но не стремясь проводить сепаратную политику... На юге было хуже. Чтобы иметь руки развязанными для „органической работы” при Деникине, правые (Сан, Зарецкая и др.) откололись от местной партийной организации накануне прихода деникинцев, при них немало скомпрометировались; мы их объявили вне партии. В Екатеринославе правая группа еще раньше формально вышла из партии. В Одессе организация, в большинстве правая (с Гарви, Богдановым и Астровым во главе), за время Деникина вела политику приспособленчества».

Эти обстоятельства и вызвали упомянутые выше решения ЦК о правых в харьковской и одесской организациях. Но не мало беспокойства вызывала в центре и политика украинских левых. Мартов писал в том же письме:

«Среди левых (особенно в Харькове и Екатеринославе) опасно левый уклон, стирающий всякую границу между социал-демократией и коммунизмом. На апрельском совещании левые во главе с Бером произвели серьезный натиск, с трудом отбитый. В вопросах организационной политики они толкают на раскол и меры крайней репрессии там, где без этого можно обойтись и лишь мешают нам».

Как же случилось, что, несмотря на эти серьезные разногласия, которые нередко принимали острые формы, РСДРП на Украине в общем сохранила внутривнутрипартийное единство? В это время в украинских социалистических партиях происходили серьезные расколы: из УПСР выделилась левая группа

«боротьбистов», а из УСД группа «незалежников», и обе группы вскоре влились в КПУ. Сходный процесс происходил и среди бундовцев. Среди меньшевиков переход к коммунистам тоже был нередким явлением: согласно партийной переписи на 1 апреля 1922 года в КПУ было 1932 бывших меньшевика¹⁰, но их переход происходил в индивидуальном, а не в организованном, групповом порядке. Групповые отколы от партии были исключением, и, вследствие левой политики Главного комитета, происходили на левом фланге: самый серьезный случай этого рода имел место в Харькове.

Сохранение партийного единства было возможно благодаря тому, что некоторые основные принципы идеологии и политики партии, при всех разногласиях, были приняты всеми внутривнутрипартийными течениями. Такими принципами в 1918-20 годах на Украине были: демократизм в органах государства, местных самоуправлений и общественных организациях; восстановление единства России; прекращение гражданской войны; во время советско-польской войны в 1920 году оборона революционной России, включая Украину, от Польши. Эти принципы, в значительной степени определявшие деятельность партии на Украине, были связующим звеном внутри партии и служили политическим и моральным стимулом в тяжелых, полуполюгальных и нелегальных условиях ее деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В 1919 году при Деникине в киевский Комитет входил Кучин, Романов, Балабанов, Давидзон (крайне правый), Скаржинский, Семковский, Биск (крайне левый), и др.

2. Всегда вперед, 22 февраля 1919 года.

3. См. журнал, издаваемый Ст. Ивановичем – Заря, № 4. Ст. Иванович и впоследствии признавал свою деятельность в 1919 году правильной и решительно возражал против его «отлучения» от партии: «Несмотря на ряд анафем и отлучений, обильно расточаемых совершенно не имеющими на это права органами партии, как в России, так и за границей находится немалое число социал-демократов, имеющих за собой опыт многих лет работы в рядах рабочего класса, которые ни из партии, ни от партии не уйдут». (Ст. Иванович. Сумерки русской социал-демократии. Париж, 1921, стр. 5).

4. Социалистический вестник, 5 июня 1921 г.

5. Письмо Д. Чижевского С. Волину 5 августа 1961 г. На это указывали и подсудимые на киевском процессе меньшевиков в 1920 году.

6. Сборник резолюций и тезисов ЦК РСДРП и партийных совещаний. Харьков, 1920, стр. 63.

7. Там же, стр. 63. Н. Попов, как вскоре выяснилось, был советским агентом и, по-видимому, состоя открыто в РСДРП, секретно был членом КПУ и сотрудником ЧК. Плохой оратор, но серьезный писатель, он сумел втереться в доверие меньшевиков и пробраться в Главный комитет. Его функция состояла в осведомлении советских органов о деятельности меньшевиков и стимулировании среди них крайних левых тенденций. До разоблачения Попов сотрудничал в меньшевистском журнале «Мысль», а потом написал ряд серьезных работ по истории КПУ. Попов заслужил хвалебный отзыв в советской печати о своих провокаторских выступлениях в меньшевистских органах: «Литературные выступления Н. Н. Попова в 1919 году отличаются своей корректностью и поисками общего языка с большевиками». (М. Равич-Черкасский, указ. соч., стр. 112).

8. Социал-демократия и революция, стр. 18.

9. Борьба. Орган ЦК СДП Грузии. Тифлис, 30 декабря 1920 г.

10. М. Равич-Черкасский, указ. соч., стр. 241.

ГЛАВА 7

Меньшевизм в Украинской Советской республике

Начальный период

Два неудачных опыта советской власти на Украине заставили ее в третий раз вести более осторожную политику. По отношению к крестьянству была принята менее крутая линия, а для преодоления острых разногласий с КПУ была проведена основательная чистка партии. Ленин придавал большое значение умиротворению украинского национализма. В «Письме к украинским рабочим и крестьянам» он писал, что «великорусский шовинизм» у коммунистов может привести к опасным последствиям и что «мы должны быть очень осторожны, терпеливы, уступчивы к пережиткам национального недоверия», существующего у украинцев по отношению к русским¹.

В то же время советская власть стремилась уничтожить потенциальные центры оппозиции, к числу которых она причисляла РСДРП. Четвертая конференция КПУ, заседавшая 17-23 марта 1920 года, постановила, что «меньшевики, используя тяжелое экономическое положение Украины в целях борьбы с рабочей властью, обнаруживают, таким образом, еще раз свою классовую природу, как проводников и защитников крупного капитала. С этими махно-анархистскими и меньшевистско-кирстовскими центрами контрреволюции необходима самая решительная борьба вплоть до их

полного подавления. Российская и украинская история этих партий достаточно говорит об их природе как партий, прикрывающих и защищающих интересы кулачества»².

Эта политически безграмотная резолюция, сваливающая в одну кучу Махно, Кирста, крупный капитал, кулачество, анархизм и меньшевизм, открывала широкие возможности для работы ЧК.

РСДРП, как и при Добровольцах, формально запрещена не была, но подвергалась постоянным преследованиям. Несмотря на это, Главный комитет РСДРП еще 1 декабря 1920 года в циркулярном письме местным партийным организациям указывал — тоже как прежде — на необходимость всеми мерами бороться за открытую деятельность партии³.

Выполнить эту инструкцию было трудно. Весною 1920 года в Харькове были произведены перевыборы Совета, при которых меньшевики, после энергичной кампании, провели многих депутатов, но возможности выступать в Совете для них почти не было⁴. В Харькове в это время еще была крепкая и квалифицированная партийная организация, состоявшая из интеллигентов и рабочих. Партийный клуб собирался регулярно. Руководителем и секретарем организации был Л. М. Зарахович, хороший организатор, поддерживавший связь с партийными группами в других городах; после ареста Зараховича, его сменила Ф. Абрамович, пользовавшаяся в организации большой популярностью.

Эта открытая работа партийных организаций продолжалась недолго. В Харькове 12 августа 1920 года открылась Всеукраинская конференция РСДРП, в которой участвовали представители Екатеринослава, Николаева, Одессы (Астров и Коробков), Кременчуга, Киева (Чижевский, Романов, Кучин) и других городов. Преобладало на конференции левое крыло, и прения по докладу харьковского приват-доцента А. Левина концентрировались на вопросе о социальной революции. Астров и Чижевский, оказавшиеся на конференции на правом фланге, стремились спуститься с теоретических высот на политический уровень. На третий день заседаний конференции, еще до принятия резолюций, явилась ЧК и арестовала всех делегатов. Их посадили в тюрьму, куда были привезены меньшевики из других городов, всего около 100 и где они жили в тяжелых условиях: их содержали в нетоплен-

ных, очень переполненных камерах, кормили только супом, который на тюремном языке назывался «Третий Интернационал», потому что состоял из гнилых овощей, а по ночам происходили массовые расстрелы украинских эсеров, в большинстве интеллигентов. Чека, получавшая информацию от своего осведомителя Н. Н. Попова, старалась выяснить на допросах, о чем говорили на конференции.

В конце года арестованным меньшевикам был вынесен административный приговор, согласно которому 15 человек были приговорены к заключению «на все время гражданской войны» в лагерь «за принадлежность к правому крылу РСДРП», а 17 человек к высылке в Грузию за то, что они «терпели в своих рядах правое крыло». Главный комитет обжаловал этот приговор во ВЦИК, который отменил его. Но Украинская ЧК не подчинилась этому решению и привела свой приговор в исполнение. Грузинское правительство протестовало против превращения Грузии в место советской ссылки, но приняло высланных, которые прибыли в Тифлис 11 декабря⁵.

Еще хуже дело обстояло в провинции, особенно в Донбассе. В августе Главный комитет подал украинскому ЦИК'у протест против систематических преследований РСДРП, указывая, что обескровленные белым террором партийные организации теперь, под давлением красного террора, вынуждены перейти на нелегальное положение, и что политический террор «льет воду на мельницу контрреволюции» и «способствует вместе с тем росту в пролетариате идей смежных с махновщиной и врангелевщиной». В Харькове орган Главного комитета «Начало» был закрыт; в Юзовке были арестованы меньшевики, распространявшие предвыборные плакаты РСДРП, дозволенные в Харькове, РСДРП не была допущена к выборам, а местный комитет партии был выслан из района; в Екатеринославе были арестованы 4 меньшевика — члена Совета за то, что они голосовали против массовых обысков; в Кременчуге был арестован весь состав президиума профсоюзов⁶. В Полтаве осенью 1920 года был произведен разгром организации РСДРП, ее клуб был опечатан, имущество конфисковано и несколько членов партии были высланы в Грузию. Легальная работа партии становилась невозможной.

Начало весной 1920 года советско-польской войны вызвало небольшую и кратковременную политическую «оттепель». В апреле польские войска вторглись в Украину и в мае заняли на короткое время Киев. ЦК РСДРП объявил, что для успеха обороны России в этой войне необходимо, между прочим, чтоб «политика советской власти на Украине устранила поводы для охлаждения украинских крестьянских масс к российской революции». ЦК отвергал попытку нападающих играть освободителей Украины, подчеркивая при этом в декларации от 5 мая 1920 г. необходимость единства России и Украины:

«РСДРП предостерегает украинских крестьян и рабочих против этого демагогического обмана и зовет их защищать свои национальные права и отстаивать свои экономические интересы в тесной связи с трудящимися массами всей России на почве укрепления и развития завоеваний революции».

В циркулярном письме партийным организациям от 1 декабря 1920 г. Главный комитет указал, что переход к мирному строительству, ставший возможным после окончания гражданской войны и войны с Польшей, требует действительного мира с западными странами и изменения внутренней политики. Нужна «отмена всех исключительных положений и немедленное восстановление советской конституции, как демократии трудящихся», иначе вырождение советской власти или ее свержение станет неизбежным. Комитет считал, что мелкобуржуазные мещанские и крестьянские движения могут втянуть значительные слои антибольшевистского пролетариата и могут стать большой опасностью для социализма. Поэтому надо стремиться к созданию «единого крепкого пролетарского фронта, способного противопоставить свои интересы и задачи в революции как бонапартистскому вырождению советской власти, так и антипролетарским движениям».

Политика поддержки Красной армии, поскольку она вела оборонительную войну против Польши, была принята широкими кругами партии. На Украине многие арестованные меньшевики были освобождены из тюрем и лагерей и добровольно пошли в армию по партийной мобилизации, объявленной ЦК. При наступившей «оттепели» в некоторых

местах появилась возможность открытой деятельности партии, но в других местах были произведены новые аресты (6). После окончания войны, особенно после объявления НЭП'а, на Украине, как и во всей России, поднялась новая волна террора против РСДРП.

Процесс киевских меньшевиков

Через полтора месяца после занятия Киева советским правительством начался известный процесс киевских меньшевиков, обвиненных в сотрудничестве с Деникиным. Дело рассматривал Чрезвычайный революционный трибунал, заседавший в Киеве 21-23 марта 1920 года. К суду был привлечен ряд видных киевских меньшевиков: Кучин-Оранский, Романов, Ланда и Шпер — члены президиума Центрального бюро профсоюзов; Спицын, Кручинский и Дрелинг — за работу в городской управе; Балабанов, Сумский, Скаржинский, Биск и Семковский — как руководящие деятели РСДРП при Деникине. Некоторые из подсудимых добровольно явились на суд, подав заявление о своей солидарности с ранее привлеченными⁷.

В обвинительной речи прокурор И. Вардин формулировал главные пункты обвинения следующим образом: меньшевики не могли бы быть легальной партией при Деникине, если бы они были революционерами; притворясь, что они за советскую конституцию, они в действительности стояли за «западно-европейскую, американскую каторжную демократию» а «демократия, парламентаризм и учредилка объединяют вас с его превосходительством генералом Деникиным»; меньшевики были в контакте с контрразведкой, что доказывалось их хлопотами об отсрочке по воинской повинности для деятелей профсоюзов; они считали, что рабочий класс заинтересован в здоровом экономическом развитии, а не в расстройстве хозяйства, и этим укрепляли Деникина, потому что теперь «за каждой теорией стоит штык»; обвинитель цитировал приведенное выше письмо Центрального бюро профсоюзов к западным рабочим и с особенным негодованием отметил его утверждение, что деникинская реакция была результатом большевизма; одним из главных пунктов обвине-

ния было получение денежной ссуды, т. е. фактически подкупа, будто бы выданной Добровольцами Центральному бюро профсоюзов. В заключение обвинитель сказал:

«Я требую, чтоб не только здесь сидящие, но и все те, которые выразили свою солидарность с гражданами, сидящими здесь на скамье подсудимых, чтобы и эти люди понесли то же наказание, о котором я сейчас говорю — политическое убийство. Партия меньшевиков должна быть лишена огня и воды, партия меньшевиков не имеет права на существование».

В своих защитительных речах обвиняемые указывали на нелепость или лживость всех пунктов обвинения. Они объяснили политические и тактические принципы, на которых была построена их деятельность и объективные условия, в которых эта деятельность протекала. В частности, они указали, что никакой «ссуды» Центральному бюро выдано не было, а был обмен потерявших хождение советских денежных знаков на выпущенные денкинцами знаки — обмен, который отнюдь не представлял собою исключения.

Кучин поставил вопрос, зачем понадобился весь этот процесс со вздорными обвинениями после того, как большевики одержали победу на всех фронтах гражданской войны, и ответил:

«Совершенно ясен политический смысл затеянного процесса и предъявленного нам обвинения: для нас совершенно ясно, что здесь идет борьба против влияния социал-демократов на рабочий класс».

Меньшевиков хотят изолировать от политической жизни, сказал Кучин, потому что путем обычной политической борьбы этого добиться невозможно. В одном обвинитель прав: «вопрос о демократии является тем вопросом, тем знаменем, которое было все время знаменем РСДРП», и это требование демократии «было направлено в сердце реакционного режима и поэтому было революционным». Для борьбы с реакционными силами коммунисты дают простой рецепт: подполье и восстание. Но на деле, после замены власти коммунистов денкинцами, рабочий класс был объят «реакционными иллюзиями» которые были «следствием большевизма». В таких условиях массовая рабочая партия должна была не заниматься авантюрами, а вести работу «по сплочению во-

круг открытой рабочей организации сил пролетариата и по укреплению почвы рабочих организаций».

Обвиняемый Семковский указал, что на Украине в результате поражения революции создалась обстановка, которая непонятна тем, кто там не был. Ведь и коммунисты, уйдя в подполье, не решались штурмовать власть, потому что не было революционного настроения в массах. Об этом настроении говорил и Балабанов: меньшевики остались в открытой организации, потому что знали, что «масса не только не хочет идти с вами, но она не хочет идти и с нами. Более того, она хочет идти с деникинцами». Этот факт, сказал Балабанов, определял всю тактику меньшевиков при власти Добровольцев, и против него меньшевики все время вели настойчивую борьбу.

По словам Кучина, «если в Киеве мы разбили реакционные иллюзии в душе рабочего класса... то мы сделали большое дело в интересах революционной России и не вам нас упрекать...»

Попытка обвинителя провести различие между правыми меньшевиками как прямыми контрреволюционерами, и левыми, которые, хотя и с оговорками, принимают советскую конституцию, вызвала отпор со стороны обвиняемых. Преувеличивая внутрипартийное единство, Кучин заявил в своем заключительном слове: «Каждая партия имеет свои течения и живет в них, но в данном случае наша партия представляет единую партийную организацию, в качестве членов которой мы судимся».

Трибунал приговорил Кучина, Романова, Ланда и Шпера к заключению в концентрационный лагерь на все время гражданской войны, а остальных к лишению политических прав и права работы в рабочих организациях на тот же срок. Обвиняемым позже разъяснили, что «на время гражданской войны» значит до победы мировой коммунистической революции.

Во время процесса перед залом бывшего Дворянского собрания, в котором заседал Трибунал, произошла большая рабочая демонстрация протеста против суда⁸. Одним из двух следователей Трибунала была молодая девушка Пряхина, дочь бывшего жандармского офицера. При перевыборах в Совет, которые произошли вскоре после процесса, меньшеви-

ки с успехом выступали на собраниях, в частности в цитадели коммунистов — «в Арсенале» и получили от 20 до 30 процентов мандатов.

ЦК РСДРП принял 9 апреля 1920 года резолюцию протеста против киевского процесса. Подробно разобрав обвинение, резолюция констатировала, что киевский комитет РСДРП никакой контрреволюционной работы не вел, а наоборот, «сильно содействовал революционизированию рабочих масс». Резолюция констатировала также, что процесс был попыткой скомпрометировать РСДРП нечистыми методами и требовала «восстановления в правах и освобождения всех невинно осужденных»⁹.

Фактически приговор не был приведен в исполнение. Во время советско-польской войны приговоренные были освобождены и многие из них пошли добровольцами в армию по партийной мобилизации.

Меньшевизм в подполье

Главный комитет РСДРП на Украине стремился еще больше, чем ЦК партии, продолжать легальную деятельность, но возможностей для этого становилось все меньше. Возможность организованно участвовать в выборах в Советы представлялась все реже, а из выборных органов профессиональных союзов, в которых меньшевики до тех пор обычно были в большинстве, их систематически вытесняли полицейскими мерами. Облавы ЧК и аресты членов партийных комитетов сокращали число местных организаций и делали для них даже нелегальную работу почти невозможной. Вместо высылки в Грузию, практиковавшейся в 1920 году, начала применяться ссылка в отдаленные места Сибири и Туркестана, служившие местом политической ссылки в царское время.

Работа Главного комитета была сильно затруднена повторными арестами его сильно меняющегося состава¹⁰. Широкой работы Комитет вести не мог, но еще в середине 1922 года, когда он был в глубоком подполье, в его деятельности наступило некоторое оживление. На его регулярно происходивших заседаниях был поставлен вопрос о созыве Всеукраинской партийной конференции, были разработаны

тезисы о профессиональном движении и кооперации, которые были приняты единогласно, а также о едином фронте и об общем политическом положении, которые были приняты большинством против трех. В 1922 году Главный комитет поддерживал связь с 22 партийными организациями. Весь аппарат Комитета состоял из членов Союза Социал-демократической молодежи, которые поддерживали связь с местными организациями, пытались создать новые партийные группы среди студентов и рабочих и распространяли партийную литературу.

Союз молодежи был немногочислен, но после арестов последних лет в нем образовалась группа активных и преданных партии «ветеранов». В 1920 году Союз издавал в Одессе свой орган «Пролетарская молодежь», а в 1920 и 1922 годах в Харькове печатал на гектографе «Южный социал-демократ». В 1921 и 1922 годах Союз выпустил в Одессе несколько бюллетеней. Характерно было предложение, сделанное в ЧК после ареста члену Союза Зинаиде Зборовской, дочери председателя петербургского Совета рабочих депутатов в 1905 году: «Было бы хорошо вас записать в комсомол. Мы научили бы Вас носить винтовку, а Вы научили бы нашу молодежь думать и учиться» (11).

В разных местах партийные организации пытались издавать нелегальные печатные органы. Например, с декабря 1921 года в Харькове регулярно издавалась на ротаторе газета «Социал-демократ», а в Одессе выходил «Бюллетень» и от времени до времени печатались листки. В 1922 году Главный комитет выпустил 10 бюллетеней, в Екатеринославе выходила газета «Искорка», в Одессе был напечатан на гектографе сборник материалов о репрессиях против социал-демократов.

В Харькове в начале 1921 г. при выборах в Совет меньшевики, несмотря на репрессии, провели около 40 депутатов. В октябре были назначены новые выборы и Главный комитет вместе с харьковским комитетом решил принять в них участие с лозунгами за свободу слова, печати, собраний и т. д. В этом духе была выпущена листовка, но накануне выборов были произведены массовые аресты и ни один меньшевик не был выбран. В начале 1922 года в харьковской организации было 186 членов, собрания которых часто созывались.

Была созвана конференция для выбора местного партийного комитета, в который вошли представители разных течений. Но уже в октябре того же года в организации осталось только 130 платящих членов. Тем не менее удалось организовать несколько партийных конференций. Связи на заводах еще сохранялись, но открытые выступления были уже невозможны. 15 марта 1922 года были арестованы члены Главного комитета и другие видные меньшевики, всего около 50 человек, и были высланы в Туркестан.

В Киеве в конце 1920 года в партийной организации продолжалась оживленная деятельность: собрания в клубе и лекции Балабанова, Давидсона и Семковского хорошо посещались. Новые члены записывались в организацию и делегаты с заводов приходили, чтоб узнать точку зрения меньшевиков. Но уже началась усиленная кампания по изгнанию меньшевиков из органов профессиональных союзов.

В конце 1920 или начале 1921 года в Киеве была созвана беспартийная конференция по продовольственному вопросу. На конференции присутствовало около тысячи человек, среди них 170 меньшевиков и 100 коммунистов. Меньшевик Павловский, только что выпущенный из ЧК, был выбран председателем, а в президиум вошли 3 меньшевика и 2 беспартийных. Конференция была разогнана и через несколько дней 67 меньшевиков были арестованы. Меньшевики продолжали работать в некоторых профессиональных союзах. Повторные аресты создали в организации атмосферу безнадежности. В середине 1922 года в организации осталось всего 50 платящих членов, но среди них была хорошая молодежь.

В Одессе в мае 1921 года происходили выборы в Совет. Несмотря на атмосферу террора, меньшевики провели 24 депутата, из которых 12 были «разъяснены» избирательной комиссией. Из 12 выбранных двое, арестованные в начале года, сидели в тюрьме, где один из них, А. Н. Косарев, вскоре заболел нервным расстройством. На первом заседании нового Совета меньшевистская фракция огласила декларацию о том, что экономические реформы НЭПа недостаточны, а нужны и политические реформы: отмена диктатуры и освобождение арестованных. После этого голосами коммунистов при воздержании беспартийных меньшевики были исключены из Совета. Меньшевистский клуб продолжал функционировать,

но 16 июня он был закрыт по приказу из центра. Одесская организация и после этого продолжала издавать свой бюллетень.

Перерегистрация, произведенная одесской организацией в начале 1922 года, показала, что в ней осталось около 100 членов, между тем как до массовых арестов в феврале 1921 года в ней состояло 300 членов и еще в середине этого года — 150 членов. В начале 1922 года был избран комитет одесской организации из 9 членов. Большинство его состояло из правых, а остальные были «нинисты», требовавшие прекращения всяких выступлений вовне, прекращения издания бюллетеня и участия молодежи в производственных конференциях, так как все эти выступления приводят только к разгрому организации. Предложения «нинистов» были отвергнуты.

В Екатеринославе в январе 1921 года на губернском съезде профессиональных союзов половина беспартийных шла за меньшевиками. В правлениях союзов печатников, металлистов, пищевиков, кожевников и совработников меньшевики имели большинство. В Совете они имели около 30 депутатов. Но в ночь с 12 на 13 марта были произведены крупные аресты среди меньшевиков и эсеров. На выборах после этих арестов меньшевики провели 7 депутатов, но из профессиональных союзов они были вытеснены. Перед выборами они издали наказ депутатам, который был предложен избирателям. За это они были объявлены «агентами Антанты», а избирательная комиссия официально объявила, что так как в списке меньшевистских кандидатов имеются контрреволюционеры и труддесертиры, то эти кандидаты в случае их избрания не будут утверждены. Против союза печатников, который был в руках меньшевиков и пользовался большой популярностью среди рабочих, началась ожесточенная кампания. Фракция коммунистов в губернском совете профсоюзов писала в бюро фракции в Южбюро ВЦСПС 12 декабря 1921 года:

«Екатеринославский союз печатников до сего времени находится в руках меньшевиков... Стремления бюро фракции союза и бюро фракции ГСПС вырвать союз из их рук и провести это в жизнь оказалось невозможным за отсутствием достаточного количества активных работников во фракции

союза. Обстановка для разгона и создания коммунистического правления вполне благоприятна».

Союз вскоре был разогнан.

В первой половине 1921 года аресты меньшевиков были произведены в Нежине, Конотопе, Радомысле, Коростене, Бердичеве и других городах. В Житомире был арестован меньшевик Вороницын, бывший шлиссельбуржец, просидевший в тюрьме 9 месяцев во время немецкой оккупации. В Полтаве умер от тифа председатель меньшевистской организации К. Ляхович, зять и сотрудник В. Короленко, сидевший в немецком концлагере при гетмане 6 месяцев за издание социал-демократической газеты.

Эти примеры показывают, почему и как менялось положение меньшевистских организаций в течение первых двух лет украинского советского правительства. В дальнейшем ликвидация этих организаций на Украине шла тем же путем, что и на севере.

1962 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. В. И. Ленин. Сочинения, 4-е изд., т. 30, стр. 269.
2. М. Равич-Черкасский, указ. соч., стр. 231.
3. Социалистический вестник, 16 февраля 1921 г.
4. Пролетарий (Ростов), 2 апреля 1920 г.
5. Социалистический вестник от 1 и 16 февраля 1921 г. Среди заключенных в лагерь были Астров, Коробков, Гроссман, Бабин, Ткаченко и Кучин, а среди высланных в Грузию – Бэр, Скаржинский, Штерн, Рубцов, Зарахович, Б. Малкин, и Шульпин.
6. Один из киевских лидеров РСДРП Д. Чижевский в это время приехал в Харьков и вместе с Бэром редактировал стенгазету, выходившую один или два раза в неделю. Газета имела успех, и партийный клуб хорошо посещался. Но Б. Сапир, состоявший в Красной армии по партийной мобилизации, попал в нелепое положение. Приехав со своей частью в Александровск, он хотел связаться с местной партийной организацией, но узнал, что в этот же день местные социал-демократы были арестованы по приказу из центра.
7. Партия меньшевиков и деникинщина. Процесс киевских меньшевиков. Москва, 1923 (содержит обвинительный акт, подробное изложение речей обвинителя и обвиняемых и проговор).
8. Социалистический вестник, 1 февраля 1921 г.
9. Полный текст резолюции в кн. Социал-демократия и революция, Одесса, 1920.
10. В течение 1919-1921 гг. членами Главного комитета были, среди других, Бэр, Беловский, Сандомирский, Рубцов, Шульпин, М. Штерн, Аспис, Сан, Астров, Биск, Чижевский, Григорьев, Галузин, Наумов и Сумский.
11. Социалистический вестник, 23 февраля 1922 г.

1962 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава 1. Меньшевики и рост украинского национализма	4
Глава 2. Октябрь, Центральная Рада, Советы	14
Глава 3. Революция на ущербе	33
Глава 4. Контрреволюция	48
Глава 5. Второй цикл: национализм, коммунизм, реакция	63
Глава 6. Поляризация в украинском меньшевизме	85
Глава 7. Меньшевизм в Украинской советской республике	93